ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

ЗА СУМЕРЕЧНЫМ ПОРОГОМ

В мире продано более **50 миллионов** экземпляров книг Питера Джеймса!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Питер Джеймс

За сумеречным порогом

«Азбука-Аттикус»
1991

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеймс П.

За сумеречным порогом / П. Джеймс — «Азбука-Аттикус», 1991 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15020-1

В погоне за сенсационным материалом начинающая журналистка Кэт едет на маленькое церковное кладбище, где, по слухам, заживо похоронили молодую женщину. Слухи оказываются ужасной правдой, и Кэт пишет об этом репортаж, но его снимают с первой полосы и сокращают до нескольких строк. Девушка понимает, что кто-то пытается замять шумиху вокруг этого трагического случая. Возможно, этот «кто-то» – преступник… Кэт начинает самостоятельное расследование, и ей открываются все более шокирующие подробности. Она отмахивается от предупреждения об опасности, переданного медиумом, не подозревая, что знает преступника в лицо…

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15020-1

© Джеймс П., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

1 6
2 8
3 14
4 17
5 22
6 25
7 28
8 35
9 42
10 49
11 51
12 57
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Питер Джеймс
За сумеречным порогом

Peter James
Twilight
© Перевод. ООО «Центрполиграф», 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Джо и Лили

1

Вторник, 16 октября 1990 года

Первый знак был подан меньше чем через час после того, как похоронный кортеж покинул маленькое кладбище за церковью. Три глухих удара из наспех засыпанной могилы. Их услышал церковный служитель, хотя позднее один из служек, несших покров, признался: ему показалось, будто в гробу что-то шевельнулось, но он побоялся поставить себя в глупое положение и ничего не сказал.

Церковный служитель был шестидесятисемилетним вдовцом, старательным и не слишком впечатлительным человеком. Горе оставило на его лице неизгладимый след; временами он завидовал мертвецам в их могилах. В тот самый полдень он, как всегда, вошел через заднюю калитку и поспешно зашагал по мощеной дорожке через кладбище – хотел подготовить церковь к обряду причастия на следующее утро и вернуться домой до того, как начнется дождь.

Проходя мимо свежей могилы – вокруг нее лежали венки и цветы, – он потупил взор и почувствовал стеснение в груди, которое всегда появлялось у него в подобные моменты, болезненно напоминавшие о похоронах жены, которая умерла семь лет назад. Со времени ее смерти несчастья других редко трогали его. Но эту смерть он принял близко к сердцу, возможно, потому, что знал покойную всю ее жизнь, а может быть, из-за ее возраста, а может, просто из-за того, что трудно было поверить: такая хорошенькая и жизнерадостная женщина – и вдруг мертва.

Он резко остановился, вздрогнув от звука, который, как ему показалось, исходил из-под земли, и прислушался, оглядываясь вокруг, в сомнении, уж не почудилось ли ему это.

Ветки тисового дерева громко стучали по стене церкви. Звездное небо, похожее на мрамор, но несколько темнее того, что был на могильных плитах, становилось все мрачнее.

«Ветер, – подумал служитель, – просто порыв ветра». И, понурив голову, снова заторопился. Подойдя к порталу церкви, он опять услышал этот звук.

Упали первые капли дождя, но он не обратил на них внимания, продолжая настороженно прислушиваться, стараясь расслышать что-нибудь сквозь свое хриплое от одышки дыхание. Он медленно пошел назад мимо ровных рядов надгробных камней крошечного кладбища, осторожно приближаясь к свежей могиле, будто подходил к краю обрыва, и остановился на безопасном расстоянии, вглядываясь в темный прямоугольник и аккуратный холмик сырой земли, смешанной с известняком, рядом с ним, который завтра утром разровняет могильщик.

Салли Макензи. Впоследствии миссис Салли Дональдсон. Двадцати трех лет. Жизнь в ней била ключом, но у нее всегда находилось время для других. Крестилась тут, была в отряде девочек-скаутов проводником, потом добилась места в университете, где и встретилась со своим мужем Кевином, неглупым, уверенным в себе молодым человеком, который, как кто-то сказал, работал в страховой компании. Их обвенчали едва ли год назад, и он помнил, как в день свадьбы молодой супруг сиял от гордости, словно выиграл самый большой приз в мире.

Вчера же лицо молодого человека окаменело от горя, словно он никогда не знал счастья и радости.

Поговаривали, это из-за того, как все произошло. Внезапно, слишком внезапно. И потому перенести это было еще тяжелее, если можно вообще перенести такое, шептались люди. Церковный служитель не был уверен, что неожиданная смерть хуже, чем продолжительный процесс умирания. Когда умерла его жена, говорили, что это было милосердным избавлением. Для нее, но не для него.

Впереди по дорожке ветер гнал красную конфетную обертку. Служитель прислушался, замерев, не обращая внимания на дождь. Снова подул ветер, зашуршал целлофан, в который были завернуты цветы, и он ясно представил их яркие, сочные тона – белые, красные, розовые. Они казались такими живыми на фоне сырой земли, сухой травы и осенних буков, росших вдоль кладбищенской ограды. На ветру забилась траурная лента, и он наклонился, чтобы прочитать надпись на ней: «Сал, со всей нашей любовью». Другая лента, на огромном букете малиновых роз, перевернулась, капризно извиваясь вокруг зеленой ленточки, которой она была привязана к букету: «Сал, прощай навек. *Кевин*».

Одинокий голубь быстро пролетел у него над головой, ветка тиса снова застучала по стене церкви. Дождь усилился. Завтра служитель соберет цветы, согласно желанию вдовца, и отнесет их в хоспис в Брайтоне. Он внимательно посмотрел на темный четырехугольник: пока только тонкий слой почвы покрывал гроб. Земля после долгого засушливого лета все еще была твердой и комковатой, и несколько комков скатились с могилы.

Кусочки известняка падают на крышку гроба – только и всего.

Церковный служитель повернулся и поспешил под крышу портала мимо доски с указующими перстами: «ДЕШЕВАЯ РАСПРОДАЖА, УТРЕННИЙ КОФЕ, ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА РЕМОНТ ЦЕРКОВНОЙ КРЫШИ», повернул кольцо дубовой двери, закрывшейся за ним со стуком, который повторило эхо, и вошел в маленькую церквушку. Внутри было тихо и спокойно. Его взгляд привычно скользнул по каменной купели и аккуратным стопкам книжек с гимнами, по выцветшим фрескам на стенах. Христос скорбно смотрел вниз с витража над алтарем. На стене у двери висели таблички с именами местных жителей, погибших на войне. На деревянном стеллаже под ними – стопка плохо напечатанных брошюр с историей церкви и церковного прихода – тридцать пенсов за штуку. Там же стояла коробка для денег.

Он прошел вниз по боковому проходу между скамьями к кафедре и принялся снимать с указателя на стене пожелтевшие бакелитовые номера, указывавшие гимны, которые поют на похоронах: «Расставайся со мной без печали» и «Иерусалим». Он убирал подушечки для коленопреклонения, молитвенники и листки со списком служб, оставленные скорбящими, равнодушно бормоча: «И те ушли в древние времена…» – и не слышал отчаянных глухих ударов, исходивших из могилы молодой женщины, которую похоронили в полдень.

2

Вторник, 9 мая 1967 года

Харви Суайр, восемнадцатилетний коротышка с пухлыми щеками, прямыми каштановыми волосами и глубоко посаженными серыми глазками, сидел, задумавшись, в раздевалке, где пахло застоявшимся потом, туалетом и гуталином. Он страдал от избыточного веса, был неуклюж, и спорт не доставлял ему особого удовольствия. У него был тонкий, довольно высокий голос, из-за чего он получил кличку Свин, от которой ему удалось избавиться только в последние годы.

Погруженный в свои мысли, в собственный внутренний мир, он всегда держался несколько отчужденно. Единственным его близким другом была мать. Она выхаживала его, когда он болел в детстве, защищала от насмешек отца, верила в него, любила и понимала его. Она умерла пять месяцев назад, в возрасте тридцати восьми лет, от сердечного приступа.

Мама была красавицей, и Харви гордился ею: когда она заезжала за ним в школу, он видел, как другие мальчишки и их родители провожали ее взглядами, и ему это нравилось. Когда же за ним заезжал отец, все было по-другому. Они никогда не ладили друг с другом, а с тех пор, как умерла мать, их отношения стали еще хуже.

Когда-нибудь он поймет: его отца возмущало то, что Харви, хотя и не унаследовал красоту матери, внешне был сильно на нее похож. И еще то, что она умерла, а он – жив. Многое поймет Харви Суайр в один прекрасный день.

Он начал завязывать шнурки своих крикетных бутс, не обращая внимания на разговоры и клацанье каблуков по каменному полу, размышляя о письме, которое пришло утром и лежало в пиджаке, висящем на крючке над его головой. Энджи. Харви не ожидал получить от нее весточку после того, что произошло. Однако частичка его «я» чувствовала смущение и отвращение к тому, что он сделал. Он ясно представлял себе выражение ее лица, снова ощутил, как она отпрянула, и, покраснев, уставился в пол, на свои бутсы. Другая частичка его «я» говорила: «Ты заслужила это, сучка!»

Харви не мог понять, почему он так сильно злится на нее. Когда его мать умерла, Энджи сочувствовала ему, утешала его, она была неподдельно огорчена. Ей даже удалось заставить его отца улыбнуться, когда они вернулись с похорон домой. Но она не позволяла ему заходить дальше невинных прикосновений и вела себя так, будто делала ему одолжение. И тогда, десять дней назад, в последний вечер пасхальных каникул, перед возвращением в пансион, он силой заставил ее прикоснуться к нему: схватил ее руку, запихнул себе в брюки и держал там, пока она не вырвалась. Потом всю дорогу домой Энджи не желала с ним разговаривать.

А вот теперь совершенно неожиданно пришло письмо, точно такое же, как другие, которые она писала ему: на маленьком плотном листе бумаги, туго свернутом и пахнущем ее духами – многословное и ласковое, написанное крупным круглым почерком перьевой ручкой с голубыми чернилами.

«Любящая тебя *Энджи*. Тысяча поцелуев».

О том, что произошло, она даже не заикнулась.

Он завязал каждый шнурок на два узла. Послышалось шипение аэрозоля, и Харви почувствовал тошнотворно-сладкий запах «Брута». Дейкр стоял над ним и, морщась, разглядывал в зеркале свои прыщи. Потом он откинул со лба светлые волосы, побрызгал другую подмышку, пшикнул за пояс спортивных трусов и стал натягивать майку. Теперь у Дейкра был пунктик

насчет запахов. Казалось, он твердо верил: чтобы набрать очки, достаточно найти соответствующий запах.

В раздевалку ввалился Роб Рекетт; на ходу жуя резинку, он громко пукнул.

– Господи, Рекетт, ты отвратителен, – сказал Дейкр.

Рекетт, большой, нескладный, надменный парень с каштановой челкой, полностью закрывающей лоб, в ответ выпятил свой зад и снова испортил воздух.

– Ты – вонючка, Рекетт, – сказал Уоррал.

– Он не воняет, он благоухает, – поправил его Уоллс-младший.

Рекетт надул из жвачки шар, который лопнул с резким хлопком, и, стягивая с себя галстук, объявил, что трахался с кухаркой ассистента преподавателя, огромной толстой девицей, которая, по слухам, всегда была готова, только попроси.

– Прямо как ненормальная, – продолжал Рекетт. – Кладет *его* куда хочешь, хоть в ухо. Всегда лучше иметь дело с кем постарше. Они от этого без ума.

Харви Суайр нашел описание Рекетта – «кладет *его* в ухо» – странно возбуждающим, но не мог понять почему. Он было подумал, а не приударить ли и ему за этой девицей, но больно она толстая и сальная, кожа у нее как у жареной индейки. Он не хотел, чтобы все это произошло так, ни в первый раз и ни в какой другой. Он попытался вообразить, как Энджи берет *его* и кладет себе в ухо. Вот это совсем другое дело.

Ее письмо неожиданно рассердило Харви. Облегчение, которое он почувствовал, получив его, сменилось злостью. Какая-то часть его «я» хотела, чтобы она была с ним неистовой, отвратительной. Но она такой не была, и он чувствовал себя чуть ли не обманутым.

– Господи Исусе, ну ты и фу-ты ну-ты, Дейкр, – сказал Том Хансон.

– Отвали, Хансон, ладно? По крайней мере, от меня не воняет, как от чьей-нибудь задницы.

– Может, и не воняет, только ты здорово ее напоминаешь, – отпарировал Хансон, открывая свой шкафчик и хохоча над собственной остротой.

– Фу-ты ну-ты в бутсах! – бросил Уоллс-младший, натягивая брюки; от ухмылки его лоб сморщился, и сквозь тонкий слой крема «Клерасил» на нем проступили прыщи.

– Если вы думаете, что я гомик, то как насчет той новой поп-группы с высокими голосами? Как они называются? Ты же знаешь, Харви. Вчера тебя чуть было не вырвало на их фото.

– «Шимпанзе», – ответил Харви Суайр.

– «Мартышки»[1], балда, – заметил Хорстед. – Господи, ты и взаправду серый, Суайр, не знаешь ровным счетом ничего.

Харви отбросил волосы с лица и кончил завязывать второй узел.

– Тебе никогда не поступить в медицинскую школу. Чтобы быть врачом, нужно хоть чуточку соображать.

Через восемь недель он будет держать экзамены первой степени: физика, химия, биология, – чтобы получить место в старой медицинской школе больницы Ее Величества, которую его отец окончил с отличием, получив специальность гинеколога и Королевскую медаль за отличную успеваемость; теперь медаль висит на стене в его клинике на Харлей-стрит. Квентин Суайр – сильный, энергичный человек. Он сколотил состояние, делая аборты заморским путешественницам; он выдержал яростные нападки журналюг из «Ньюс оф зе уорлд» и благополучно выиграл дело против них в суде.

Отец его учился также и в Уэсли, где теперь учился Харви. Квентин Суайр и здесь преуспевал как в науках, так и в спорте – его имя смотрело со всех почетных досок в холлах и коридорах. Крикет. Футбол. Хоккей. Университетская стипендия.

– Выходит новая долгоиграющая пластинка Битлов, – сказал кто-то.

---

[1] Речь идет об американском поп-рок-квартете «The Monkees».

Чей-то насмешливый фальцет пропел: «Земляничные поляны навсегда…»

– Я думаю, Битлы на самом деле очень даже паршиво играют, – сказал Уоррал.

– Да иди ты, Уоррал, они классные музыканты.

– «Пинк Флойд» в миллион раз лучше.

– Я собираюсь достать билеты на Боба Дилана, когда он снова будет выступать в августе. Ты пойдешь, Харви?

– Дилан – парень что надо, – подтвердил Дейкр.

Харви смотрел, как Рекетт стягивает брюки вместе с заляпанными трусами. У Рекетта был большущий обрезанный «петух», и Харви неожиданно подумал: а что, интересно, происходит с членами, когда мужчины умирают. Кто-то рассказывал ему, что повешенные умирают с эрекцией. Рекетт несколько раз прицелился своим «петухом», прежде чем запихнуть его в спортивные трусы.

– Мэтлок в субботу прошел полный курс наук, – объявил Уоллс-младший.

Остальные с удивлением посмотрели на него.

– На полную катушку? – поинтересовался Дейкр.

Уоллс-младший кивнул.

– Не может быть. – В голосе Хорстеда слышалась зависть. – Как это ему удалось? Он же не выходил из танцевального зала.

– Он говорит, что проделал это, когда девчонки уже собрались уходить, перед тем как подошел автобус.

– Где?

– Да тут.

– Ерунда!

– Небось просто перепутал божий дар с яичницей.

– Я думаю, он говорит правду, – сказал Уоллс-младший.

– И как все прошло? – с интересом спросил Харви.

– Он всю неделю волновался, чуть не заболел, говорит, что пользовался резинкой, а она соскочила прямо в ней, и его корабль дал течь.

– Ну и задница, – сказал Пауэлл.

Хорстед подмигнул Суайру:

– Ты же перепихнулся с той птичкой, которую приводил на вечеринку к Рекетту на Пасху? Как ее зовут?

Харви покраснел и ничего не ответил.

– Почему ты никогда не говоришь об этом, Харви?

– Эй, кончайте, мы уже опаздываем. – Дейкр постучал по наручным часам и сунул под мышку крикетную биту.

Харви снял с крючка над головой свитер для крикета.

Бирка с его именем оторвалась и теперь держалась всего на одном стежке. Он некоторое время смотрел на нее: мелкие красные буковки на белом фоне: «Х. К. Э. Суайр»; на него нахлынули грустные воспоминания. Его мама пришивала метки в маленькой комнатке наверху, слушая, как всегда, пьесу по радио, она гладила, склонив голову набок, светлые пряди волос свешивались на одну сторону, красивое лицо ее выглядело немного усталым и печальным.

Интересно, как она сейчас. Иногда он ощущал ее присутствие. Недавно, на каникулах, она была в его комнате – он делал свои эксперименты, и, можно сказать, она отнеслась к этому одобрительно. Когда она была жива, он никогда не разрешал ей смотреть на свои опыты – знал, что она брезглива. Но теперь она мертва, так что все нормально.

– Эй, Харви, ты идешь?

Он схватил свою биту, и все с грохотом затопали по каменному полу и дальше вниз по дорожке к навесу из рифленого железа, где стояли велосипеды.

– Быстрее пешком дойдем, – заметил Пауэлл.

– Играем с «Горизонтом», ух и зададим им жару!

– Не гони, – сказал Дейкр, – ты тащишь наши биты. – Он вывел свой белый гоночный «клод батлер», ловко оседлал его и двинулся прямо на Харви, изо всей мочи звеня в звонок. – Эй, Харви, что с тобой? Сегодня ты засыпаешь на ходу.

– Он всегда засыпает на ходу, – съехидничал Пауэлл.

Велосипед задребезжал, когда Дейкр описал круг по неподстриженной траве и, промчавшись вдоль боковой стены дома, не оглядываясь, выехал на улицу. Потом сделал крутой вираж и вернулся обратно.

– Поехали, через две минуты у меня жеребьевка.

– Ну и жеребись себе, – отозвался Пауэлл.

Харви взобрался на свой синий «роллей» и, не сразу поймав крутящиеся педали, неловко сунул ноги в крикетных бутсах в лямки. Дейкр бросился его обгонять, Харви с досадой свернул с дороги, и ему в нос ударил резкий запах «Брута».

– Харви, кто последний, тот дурак! – И Дейкр изо всей мочи ринулся вперед.

Харви притормозил, услышал, как заскрежетала цепь, и, тяжело нажимая на педали, поехал за ним вдоль боковой стены дома. Дейкр вылетел на улицу. Харви, давя на педали, кинулся ему вслед и вдруг услышал рев автомобильного гудка.

Краем глаза он увидел машину. Она казалась неподвижной, как на фотографии. Он так явно видел все детали, что и сам удивился. Большой «форд» унылого зеленого цвета со сверкающей хромированной решеткой. За рулем – женщина, ее волосы аккуратно завиты, будто она только что от парикмахера, в левой руке между двумя костлявыми пальцами в кольцах с драгоценными камнями – сигарета с фильтром. Блестящие красные губы сложены в кружок, словно она только что выпустила колечко дыма, глаза – одни сплошные белки – готовы выпрыгнуть из орбит.

Фотография изменилась – проектор перешел к следующему кадру: теперь машина надвигалась на него огромной тенью. Откуда-то послышался голос:

– Харви! Осторожно!

Ему почудилось, что кирпичная стена ударила его и подбросила в воздух. Лицо женщины стало ближе. Глаза ее еще больше вылезли из орбит. Он смотрел на нее откуда-то сверху, через лобовое стекло, руки ее были подняты к лицу. Он услышал, как она закричала.

Проектор щелкнул, теперь на переднем плане появилось лобовое стекло. За какие-то доли секунды до того, как он услышал звон, Харви почувствовал хруст где-то глубоко внутри своего тела; лобовое стекло взорвалось сверкающими брызгами. Раскаленные докрасна, они, казалось, жгли его лицо и руки в миллионе разных мест.

Он завис в воздухе, а брызги сыпались куда-то вниз, под него. Упало вниз и еще что-то, какая-то огромная тень. Сперва Харви подумал, что это его велосипед, или его свитер для крикета, или брюки. Он смотрел, как все это падало на брызги, потом ударилось о капот зеленого «форда» и отскочило, как тряпичная кукла. На капоте появилась большущая вмятина, с нее посыпалась краска. Тень взлетела в воздух, но несколько ниже его, затем снова стукнулась о крышу «форда», скатилась сбоку с багажника, с глухим шлепком плюхнулась на гудроновое шоссе и покатилась, яростно подпрыгивая, будто через нее пропустили электрический ток, пока наконец не замерла у бордюра.

Харви видел, как открылась дверца «форда» и женщина выбралась наружу, плача и причитая. Дейкр слезал с велосипеда. Рекетт несся через дорогу. Харви увидел свой велосипед, который попал под передний бампер «форда», – погнутое переднее колесо торчало под странным углом; некоторые спицы были сломаны и вывернуты наружу, и он в досаде прикидывал, удастся ли ему починить их так, чтобы отец ничего не узнал.

– Харви? Харви? С тобой все в порядке? – Дейкр встал на колени перед тем, что лежало в водосточной канаве, – перед тем, что упало с велосипеда.

И тут Харви с изумлением понял: то, над чем склонился Дейкр, был он сам.

Он смотрел на собственное тело. Он наблюдал за происходящим откуда-то сверху. Видел кровь, тонкой струйкой бежавшую по его собственному лбу.

– Не трогайте его! – крикнул кто-то.

– О господи, я задавила его! – визжала женщина.

– Вызывайте «скорую», – распорядился Дейкр.

Харви видел, как Дейкр лихорадочно нащупывал у него пульс; интересно, а знает ли он, что ищет, пришла ему в голову мысль. Он увидел, как Уоррал бросил свой велосипед на тротуар и побежал обратно в дом, крича:

– Мистер Мэтти, мистер Мэтти! Сэр, мистер Мэтти, сэр! Сэр! Сэр!

Харви увидел, как «остин», ехавший в другую сторону, резко остановился и мужчина в голубом блейзере выпрыгнул из него и побежал через дорогу.

– Я врач, – сказал он.

– Я не видела его! – кричала женщина. – О боже, я не видела его!

Открылась парадная дверь, и из дома выскочила женщина – миссис Мэтти, жена заведующего пансионом. Она споткнулась и растянулась во весь рост. Харви видел, как врач опустился на колени рядом с ним и стал щупать его пульс.

Доктор замер в напряженной позе, рука его скользнула к груди, ближе к сердцу. Затем он увидел, как доктор раздвинул его челюсти, открыл ему рот и полез туда рукой.

– Он проглотил язык, – сказал он в панике. – Кто-нибудь вызвал неотложку?

– Да, сэр, – сказал Дейкр.

Врач вытянул язык Харви наружу. Тот увидел, что его лицо посинело.

– Как долго он пробыл в таком состоянии? – спросил врач, действуя быстро и методично.

– Всего несколько секунд.

Он уложил Харви на спину, сложил руки крест-накрест и с силой надавил ему на грудь. Затем снова, на этот раз более настойчиво. Минуту-другую он внимательно смотрел на Харви, потом надавил еще и еще, его движения становились все яростнее.

Еле переводя дух, подбежала жена заведующего:

– С ним все в порядке? Он жив?

Не переставая делать искусственное дыхание, врач бросил:

– Нет, он не дышит.

– Со мной все в порядке, – произнес Харви. – Со мной правда все хорошо, все отлично! – Но губы его не шевелились, ни единого звука не вырвалось из его рта. Он снова попытался что-нибудь сказать, но неожиданно почувствовал, что его засасывает куда-то вверх. Что-то тянуло его отсюда, но он не хотел уходить. – Нет! – крикнул он. – Нет!

И снова ни звука не слетело с губ того, кто неподвижно лежал между коленями доктора. Вокруг Харви сомкнулась тьма. Стало холодно, страшно холодно. Он почувствовал себя одиноким и беспомощным. На него навалился страх. Харви окружали стены туннеля, в который его засасывало, как муху в водосток, и он летел со свистом, крутясь в водовороте тьмы.

Казалось, что он вращается в этом водовороте уже целую вечность, замерзая все сильнее и сильнее. Затем он увидел вдалеке крошечное пятнышко света – с булавочную головку – и почувствовал первое слабое дуновение тепла.

Свет становился все ярче, и вместе с ним по туннелю разливалось тепло, оно просачивалось в него, растапливая все его страхи, сливаясь с ним воедино, становясь частью его, придавая ему новую, неизведанную энергию.

Потом он погрузился в свет, и туннель исчез. Полет прекратился. Свет был ярким, но не слепил, казалось, он тек через него так же, как просачивалось сквозь него тепло, и Харви почувствовал, что в этом свете есть кто-то еще, но кто – он не мог разглядеть.

На мгновение он ощутил восторг. Хорошо бы остаться здесь, в этом светлом месте, и никогда отсюда не уходить.

Затем мужской голос спокойно, несколько укоризненно произнес:

– Что ты наделал, Харви? Думаешь, ты поступаешь разумно?

Голос заставил его задрожать от холода. Меркнущий свет тоже стал холодным, вскоре он иссяк, и Харви остался стоять на открытом пространстве – что-то вроде просеки в лесу под серым небом. Он почувствовал себя выставленным напоказ, как будто вокруг были люди, которые пристально смотрели на него. Харви огляделся. Никого. Лишь пустынные поля, простирающиеся до самого горизонта.

И тогда Харви услышал голос своей матери:

– Дорогой!

Навстречу двигалась неясная, расплывчатая фигура; приближаясь, она становилась темнее и темнее. Женщина шла медленно, грациозно, легко – казалось, в ее распоряжении целая вечность, чтобы подойти к нему.

И внезапно он отчетливо увидел знакомые светлые пряди волос, безмятежную улыбку, летнее платье, то, которое ему всегда так нравилось.

Огромная радость захлестнула его, он протянул к женщине руки и попытался подбежать поближе.

– Мамочка! – закричал Харви.

Его голос был до странности невыразительным, будто он кричал из-под воды. Он не мог пошевелиться, не мог сдвинуться с места и стоял, простирая к матери руки, ему хотелось дотянуться до нее, коснуться ее, заключить в объятия.

Мать остановилась в нескольких ярдах от него и просияла улыбкой, полной неподдельной любви.

– Тебе нужно вернуться обратно, дорогой, – сказала она.

Из серого сумрака за ней возникли какие-то темные фигуры – безликие, похожие на тени.

– Мамочка! Как ты? – Он пытался подбежать к ней, но не мог двинуться с места.

– Дорогой, Господь очень тобой недоволен.

– Почему? – выдавил Харви.

Темные тени подступали ближе и ближе, окружая его, отъединяя от матери.

– Потому что ты…

Дальше было не разобрать. Теперь она пыталась перекричать толпу, но темные тени засасывали ее слова.

– Почему? – Харви снова рванулся к ней, но ледяные руки отталкивали его прочь. – Почему? – завопил он.

Тени продолжали толкать его.

– Дайте мне поговорить с ней! Пустите!

Харви пытался сопротивляться, но безуспешно.

– Тебе нужно возвращаться обратно, – сказал чей-то голос.

– Она не хочет, чтобы ты оставался тут, – произнес другой голос.

– Она больше не хочет видеть тебя здесь, – добавил третий.

– Вы лжете! – закричал Харви, пытаясь вырваться из холодных рук, которые вцепились в него.

Он чувствовал ледяное дыхание теней – как холодный воздух из морозильника. Свет стал меркнуть. Харви куда-то падал.

3

Понедельник, 22 октября 1990 года

Кэт Хемингуэй пробудилась от беспокойного сна в половине седьмого под позывные радиоприемника. Она прослушала новости, как делала каждое утро, затем нажала кнопку «Пауза» и, наслаждаясь тишиной и уютным теплом постели, попыталась вернуть ускользающее сновидение.

Теперь ей почти каждую ночь снились тревожные сны – она понимала, что причиной их было беспокойство о новой работе, или о Даре, сестре, или о неудачном романе, который недавно закончился катастрофой.

Возраст Кэт Хемингуэй исчислялся двадцатью четырьмя годами, а рост – пятью футами пятью дюймами. Уроженка Бостона, она была крепкой и стройной, с серо-голубыми, сверкающими энергией глазами, высокими скулами, небольшим прямым носом и улыбчивым ртом с хорошими зубами, за которыми она тщательно следила. С длинными, небрежно взбитыми по последней моде волосами, свежим, здоровым цветом лица, она являла собой типичный образец блистательной американской девушки – студентки колледжа; лишь немногие мужчины не проявляли к ней интереса, а некоторые женщины даже завидовали.

Кэт была неглупой девушкой, много читала и любила побыть наедине с собой, точно так же любила она и приятную компанию.

Ей не хватало только двух вещей – уверенности в себе и поклонника. Сарказм и презрение старшей сестры Дары, которой, кажется, в детстве доставалась вся любовь родителей, недостаток их внимания к Кэт – все это поселило в ней нерешительность. Она сомневалась в собственной привлекательности, поэтому упорно трудилась, чтобы оставаться в форме: питалась разумно, не потакая своим прихотям, – у Кэт был хороший аппетит, и она знала толк в еде и вине, – и бегала по выходным трусцой. Сейчас, впервые за долгое время, ее жизнь складывалась удачно. У нее была работа, которая ей нравилась, в городе, куда она приехала, никого не зная, и который уже успела полюбить, жила в квартире, обустроенной собственными руками, и гордилась этим.

Даже три месяца спустя работа репортера в местной газете «Суссекс ивнинг ньюс» все еще казалась ей новой и волнующей, и она с нетерпением ждала каждого дня – отсюда вполне возможно шагнуть на Флит-стрит. Эта газета не то что еженедельный листок, в котором она работала раньше в Бирмингеме.

Ее уверенность в себе росла, а раны от последней любовной связи заживали. Получить работу в новостном издании – настоящий прорыв в карьере, хотя ее старшая сестра, запертая в своей вашингтонской двухэтажной квартире, никогда не сможет этого понять. Дара издевалась над ней по разным причинам – младшая сестра не была замужем, не имела детей и до сих пор ничего не достигла. Дара, экономист в Вашингтоне, вышла замуж за богатого адвоката, питающего надежды стать сенатором, и имела троих детей, которые были само совершенство. Очень мягко – как это умела только она, – но постоянно Дара напоминала Кэт, что та неудачница, и временами Кэт опасалась, что сестра окажется права.

Тони Арнольд стал ее погибелью. Связь окончилась ничем. И все-таки, черт побери, Кэт не могла выбросить его из головы и вспоминала о нем всякий раз, когда до нее доносился запах «Пако Рабанна». Кэт нравилось думать, что она поначалу не представляла себе, как далеко все это зайдет. Но она понимала, что лжет себе. Он был заместителем главного редактора в

газете «Бирмингем мессенджер» – должность, которая ей, тогда двадцатидвухлетней, казалась невероятно высокой, – и интерес Тони ей льстил.

Прежде у нее никогда не случалось романов с женатыми мужчинами. Сначала это было игрой, и Кэт не сразу поняла, что сильно влюбилась. Полтора года она покорно соблюдала конспирацию, изо всех сил стараясь, чтобы ничего не выплыло наружу; готовила Тони обеды, которые у него никогда не хватало времени съесть, и проводила уик-энды, поджидая, когда он сможет выкроить для нее часок. Тони постоянно повторял ей, что его брак находится на грани краха, и они планировали свое совместное будущее.

Но однажды в субботу она наткнулась на Тони в супермаркете – он шел рука об руку с женой, следом за ними плелись трое милых детишек. Кэт обменялась с ним коротким взглядом и неожиданно поняла, как плохо она разбирается в жизни.

Вскоре после этого ему предложили место редактора в одной из шотландских газет, и он не позвал ее с собой. Вместо этого он замолвил за нее словечко, когда в «Суссекс ивнинг ньюс» появилась вакансия. Они ушли из «Бирмингем мессенджер» друг за другом, с недельной разницей, и с тех пор она о нем ничего не слышала.

Кэт приехала в Англию, когда ей было четырнадцать, со своими родителями и Дарой. Мать ее была родом из небольшого городка, в шестидесятых годах она покинула отчий дом – так делала тогда половина Америки. У нее был старший брат, Хауи, который утонул во время морской прогулки, именно его смерть и послужила причиной переезда. Отец, преподаватель английского языка в Гарвардском университете, подумал, что перемена обстановки будет для них неплохим лекарством, и согласился занять на два года вакансию в Лондонском университете; он проработал здесь пять лет.

Они вели богемную жизнь в доме, построенном в викторианском стиле и продуваемом сквозняками, в районе Хайгейта. Кэт не была уверена, что послужило причиной: паршивое ли отопление и спартанская обстановка с голыми дубовыми полами и половиками из дерюги, с афганскими коврами на стенах; или баловавшиеся наркотиками студенты-постояльцы, которым нужно было помогать с арендной платой и которые постоянно выпивали молоко и повсюду оставляли за собой немытые тарелки; или же постоянное философствование отца о «свободной любви» (свои теории он воплощал в действительность), – но в конце концов терпение матери лопнуло, и она сбежала с приятным, но скучным инженером-строителем, у которого был уютный современный дом в Чиме. Вскоре после этого его послали руководить проектом в Гонконге, и мать теперь жила там вместе с ним…

Отец вернулся в Бостон, а Кэт осталась в Англии. Дара получила стипендию в Беркли. Кэт понимала: она осталась, с одной стороны, чтобы доказать что-то Даре, с другой – чтобы избавиться от ее влияния.

С Ла-Манша дул холодный соленый ветер, он катил по темной улице вдоль водосточных канав палую листву, стучал ставнями домов эпохи короля Эдуарда. Кэт почувствовала холодный воздух на своем лице и неохотно приподнялась, опершись о медные прутья изголовья; последний непрочитанный раздел «Санди таймс» соскользнул с пухового одеяла и присоединился к кипе других воскресных газет на полу.

Она спустила ноги на белый лохматый коврик. Холодный воздух пронзил ее до костей. Движением головы она откинула с лица спутанные светлые волосы и обняла себя руками, стараясь удержать остатки тепла в ночной рубашке, потом прошлепала по ковру и, с трудом справившись со шпингалетами, наконец закрыла окно, избежав царапин на пальцах.

От ребристого чугунного радиатора по комнате разлилось тепло, Кэт протерла пальцами запотевшее стекло и стала смотреть сквозь образовавшуюся проталину на скучное девятиэтажное здание Страховой компании взаимопомощи. Там горел свет, и по всему зданию передвигались уборщики. Некоторые служащие уже приступили к работе.

Три месяца назад, подписывая договор о найме немеблированной квартиры на год, Кэт обратила внимание, что арендная плата была несколько ниже – из-за того, что окна выходили не на природу, но, поскольку большую часть времени девушка проводила на службе, для нее это не имело значения. Кроме того, у Кэт никогда не было жилья с хорошим видом из окон.

Гостиная ей понравилась сразу же – просторная, полная воздуха, с глубоким оконным проемом и элегантным открытым мраморным камином, с неполоманной каминной решеткой и оригинальными карнизами, лепными украшениями и рейками для картин. В этой большой комнате можно разместить все безделушки, которые она любила покупать, здесь можно читать, смотреть телевизор и развлекаться. В квартире была крохотная кухонька, чистая и современная, узкая прихожая, спальня, не очень большая, но с хорошими глубокими встроенными шкафами, и скромная ванная.

Это была первая ее немеблированная квартира, и Кэт порадовалась, что так удачно подобрала цветовую гамму. Предыдущий владелец имел склонность к зловещей зеленой краске и обоям с растительным узором. Три месяца Кэт обдирала стены, все переклеивала и перекрашивала. Двери, оконные рамы, плинтусы и лепнину она покрасила в белый цвет, стены гостиной – в терракотовый, а спальни – в светло-абрикосовый. С ванной, где стояла сантехника цвета авокадо, было труднее, и Кэт решила сделать ее белой с оттенком яблочно-зеленого.

Мягкие занавески с геометрическим узором были от «Лауры Эшли», а удобный диван – из «Хабитата». Грязно-бежевый ковер на полу от стены до стены, доставшийся Кэт вместе с квартирой, стал смотреться лучше, когда она разбросала по нему несколько ковриков, купленных на распродаже оборудования для автомобильных салонов. На стены она повесила старые рекламные постеры, театральные афиши и несколько черно-белых фотографий – Кэт сделала их однажды в подростковом возрасте, когда решила стать фотографом, и они получились чрезвычайно удачными.

После завтрака, состоящего из мюсли, низкокалорийного йогурта, яблочного сока и чая, Кэт бегло просмотрела «Индепендент» и проверила телепрограмму – нет ли там чего-нибудь, что следовало бы записать, а потом занялась почтой.

Пришло письмо от матери, напоминание о взносах от Гринписа и открытка с почтовым штемпелем Турции от подруги из «Бирмингем мессенджер». Мать писала раз в неделю, Кэт отвечала ей примерно раз в месяц, а возможно, и еще реже, о чем время от времени та ей напоминала, и раз в неделю они разговаривали по телефону, обычно днем по воскресеньям, когда Кэт по тем или иным причинам находилась не в лучшем настроении.

С тех пор как мать уехала, они сблизились, будто стали единой грешной частью семьи, в то время как отец и Дара были мистером и мисс Совершенство.

Мать звонила прошлым вечером. У нее все было прекрасно, казалось, она смирилась наконец и перестала винить себя в том, что оставила отца Кэт и уже в немолодые годы поменяла образ жизни. Кэт беспокоило, как бы мать не оказалась отрезанной – кризис в Заливе углублялся, и, если весь мир окажется вовлеченным в эту войну, выезд из Гонконга станет невозможным.

Мать сказала Кэт: она рада, что дочь уехала из Бирмингема, маленькие города, такие как Брайтон, куда безопаснее.

Вскоре мать поймет, как сильно она ошиблась.

4

Образы приходили и уходили. Харви Суайр слышал клацанье педалей своего велосипеда, визг тормозов, крик женщины сквозь ветровое стекло автомобиля. Крик врезался в темноту, поглотил ее, она превратилась в ровный неяркий свет. Харви все еще кричал, когда открыл глаза.

Появилось изображение лица, как смутный оттиск на проявленной не до конца пленке поляроида. Девушка, ненамного старше его, довольно хорошенькая, с крошечным вздернутым носиком, как у Энджи, но слишком строгая на вид, – должно быть, оттого, что волосы ее были туго стянуты сзади.

– Все в порядке, – сказала она. – Все нормально. – Голос был успокаивающий, нежный.

Лицо ее появилось в фокусе: рот несколько раз подряд изменил форму, и он услышал, как кто-то рядом произносит какие-то слова. Потом он понял, что эти два явления взаимосвязаны, но звук и изображение, как иногда на кинопленке, не совпадали.

Он в замешательстве попытался поднять руки к ушам, будто для того, чтобы настроить звук, но его левая рука осталась неподвижной, а грудь, казалось, была закована в железо. Он увидел над собой свою руку – белое расплывчатое пятно. Голос продолжал звучать:

– …Долгое время. А теперь? Лучше… мы?… Спать?…

Девушка напоминала Энджи. Разозлившуюся Энджи, которая отталкивала его руки и быстро-быстро била его по щеке. Энджи, которая в гневе ударила его по лицу, в настоящем гневе, на этот раз она не притворялась. Тогда он схватил ее, крепко схватил.

Лицо его горело. Но Энджи исчезла, пощечину дал кто-то другой, тот, кого здесь не было. Ему казалось, что его щеки набиты ватой, а он выглядывает из темной пещеры за ними. Лицо опять было не в фокусе, но через некоторое время снова появилось в поле зрения. Кто-то маячил за ней – пожилой мужчина с седыми волосами в красном халате; он кашлял:

– Шок… жив… посчастливилось… велосипед…

Харви глупо улыбнулся распухшими губами. Ему виделся автомобиль, лицо женщины сквозь ветровое стекло. Он несется, огибая дом, догоняя Дейкра, выезжает прямо перед машиной. Потом летит по воздуху. Висит в воздухе…

Холодные водовороты вихрились внутри его, он покрылся ледяным потом и сглотнул. По глазам девушки он видел, что она заметила происшедшую в нем перемену, почувствовала его тревогу.

– Все хорошо, – сказала она. – Все будет в порядке.

Теперь Харви различал ее лучше, видел ее груди, колыхавшиеся под халатом, и неожиданно в нем возникло желание, но тут же погасло и ушло. Он вдруг испуганно вздрогнул: ему показалось, что он умер.

– Где я? – спросил он.

На девушке был белый халат. На одном лацкане висели на короткой цепочке часы, на другом – приколотый на булавку значок с напечатанным на нем именем. Антея Барлоу.

– …В порядке… побольше спать… от этого…

Голос девушки звучал несинхронно, это дезориентировало Харви, усилило его страхи. *Мертв. Я – мертв.* Его начала бить дрожь.

Она склонилась к нему, ее лицо таяло, с него, как растаявший воск, капали капли. Харви съежился, снова вскрикнул, но девушка все приближалась, она собиралась расплавиться вместе с ним, растопить его. Тупой укол в руку: казалось, рука распухает, на мгновение он почувствовал, какими толстыми стали пальцы; на него навалился приступ тошноты.

– …Пройдет боль, – сказал чей-то голос.

Харви уже не понимал чей. Он спал.

Когда он проснулся снова, все стало яснее. Он лежал в маленькой палате и сквозь большое грязное окно, которое, несмотря на яркий солнечный свет, было закрыто, видел небо. Напротив него было четыре, а возможно, и пять кроватей; вокруг той, что стояла прямо напротив, толпились посетители, кто-то держал в руке букет цветов. Левая рука болела, и где-то в спине чувствовалась острая боль, как будто он лежал на чем-то раскаленном.

Несколько царапин на правой руке были заклеены пластырем, ногти обломаны, он огляделся в поисках чего-нибудь, чтобы подровнять их.

И тут у него упало сердце: он увидел, как по палате с важным видом, будто он был здесь хозяином, идет отец, сложив руки за спиной, выпрямившись и высоко подняв пулеобразную голову. На нем клетчатый костюм, розовая шелковая рубашка с черно-белым галстуком в стиле поп-арт и черные туфли типа мокасин. Длинные, лысеющие на макушке волосы, начинающие седеть, зачесаны назад, завиваются над ушами и воротником рубашки. Харви захотелось, чтобы у отца был не такой напыщенный вид.

Отец остановился в изножье кровати. Сейчас в его лице было больше тепла, чем обычно.

– Ну, как ты себя чувствуешь, старик?

– Нормально, – сказал Харви и выдавил улыбку.

– Догадываюсь, ты попал в крутую переделку.

– Я сглупил, не посмотрел вовремя.

Голос отца стал более хриплым:

– Я понимаю, эти чертовы велосипедные гонки.

– Как долго я тут пробуду?

– Пару недель. Ты сломал руку и два ребра, ребра непременно срастутся, но ты здорово стукнулся головой.

– Где я?

– В Гилфорде. В больнице графства Суррей.

– А как мой велосипед?

Что-то блеснуло, он услышал щелчок и увидел, как отец вытаскивает сигарету без фильтра из серебряного портсигара, потом захлопывает его и стучит по нему кончиком сигареты.

– Судя по описанию, от него вряд ли что-то осталось. – Он сунул сигарету в рот и прикурил от золотого «ронсона».

Харви следил, как отец выполняет свой обычный ритуал: позволяет дыму появиться изо рта и тут же всасывает его обратно, а потом медленно выпускает из ноздрей. Облачка сладкого голубого дыма закружились вокруг Харви, и он, довольный, вдыхал их, наслаждаясь запахом.

Что ты наделал, Харви? Думаешь, ты поступаешь разумно?

Он вздрогнул, будто эти слова сказали ему прямо в ухо, и память полностью вернулась к нему. Туннель. Свет. Его мать.

Тебе нужно возвращаться обратно, дорогой!

Он попытался подбежать к ней. Тени встали у него на пути.

– Поскольку твоему велосипеду не повезло, я не собираюсь покупать новый. Тебе посчастливилось, что ты остался жив. – Отец огляделся в поисках пепельницы.

– Я видел маму.

Отец нахмурился:

– Ты видел – что?

– Я видел маму.

Лицо отца покраснело.

– Господи боже мой, мальчик, твоя мать умерла.

– С ней все в порядке, я видел ее. Она велела мне возвращаться.

– Это абсолютная ерунда, старик. Совершенная глупость.

– Нет, папа. Я правда видел ее.

– Ты получил сильный удар по голове и перенес операцию, тебя напичкали разными лекарствами. У тебя галлюцинации.

– Это не галлюцинации.

Отец посмотрел на часы:

– Мне пора. – Его губы дрожали, а гнев отца всегда пугал Харви. – Я приду навестить тебя завтра. Тебе что-нибудь нужно?

– Некоторые книги и вещи.

– Лучше принесу тебе учебники. Если ты проваляешься тут не одну неделю, можешь начать готовиться к экзаменам.

Отец ушел, и только теперь Харви почувствовал, как он устал. Слишком много усилий требовалось, чтобы говорить, чтобы сказать хоть что-нибудь. Он задремал. Когда он открыл глаза, в изножье кровати стоял человек в белом халате.

– Проснулся?

Харви кивнул, но через некоторое время снова погрузился в сон.

Пробудившись, Харви удивился, увидев, что рядом с ним сидит Энджи; на ней была мини-юбка, которая едва прикрывала розовые трусики, ноги поблескивали золотисто-коричневым загаром. На загорелом лице еще сильнее проступали веснушки, она откидывала с глаз длинные белокурые волосы и улыбалась ему. В руках Энджи держала бумажный пакет и потрепанную тряпичную куклу в матерчатой кепке.

Сначала у него в голове мелькнуло: она спокойно сидит перед ним вот так – юбка у нее задралась выше некуда – и в то же время едва не взбесилась, когда он попробовал погладить ее груди.

Потом в нем возникли смутные воспоминания, отвращение и недоумение перемешались, и он удивился, почему она пришла сюда. Вместо того чтобы улыбнуться в ответ и поздороваться, Харви мрачно подумал: «Пристала как репей». В следующий раз он не остановится, пусть она сколько угодно кричит, ругается и колотит его. Рекетт, задавака Рекетт, который хвастался, что потерял невинность в двенадцать лет, утверждал, что женщинам нравится грубое обращение. А может быть, в этом-то все и дело, это сработало, и именно потому она и пришла?

– Привет, – сказала Энджи.

Что-то переменилось в ее внешности. Она была невероятно размалевана, под глазами – полоски, как боевая раскраска дикарей. От этого она выглядела старше своих шестнадцати лет.

– Я притащила Фреда, чтобы он за тобой приглядел. – Энджи положила потрепанную куклу на постель, а потом протянула шуршащий пакет. – Я не знала, что еще принести. Тут книжка про Джеймса Бонда и немного восточных сладостей. Тебе ведь нравятся восточные сладости?

Харви ничего не ответил. Ее макияж беспокоил его, у него появились опасения, что она накрасилась не для него. «Сучка», – подумал он.

– Я тебе написала на днях.

– Я получил.

Энджи снова откинула волосы.

– Как ты себя чувствуешь?

Он пожал плечами:

– Довольно глупо. Откуда ты узнала, что я…

– Я… я слышала.

Он попытался приосаниться, попробовал слегка приподняться, но боль была слишком сильной.

– Тебе помочь?

Он покачал головой. Послышался звук раздвигаемой ширмы. Где-то рядом с ним задыхался человек, он услышал быстрые шаги, звяканье тележки.

– Как это случилось? – спросила Энджи.

– По неосторожности.

Снова выплыли образы. Ветровое стекло. Парение в воздухе. Ужас на лице женщины. Харви закрыл глаза, потом открыл их и бессмысленно уставился на сбитые простыни у своего подбородка.

Энджи хотела было что-то сказать, но в изножье кровати появился самоуверенный, с проседью в волосах мужчина, в сером костюме и галстуке яхт-клуба. За ним стоял палатный врач в белом халате со стетоскопом, выглядывающим из кармана, и медсестра; они широко улыбались, как будто над общей шуткой.

– Не возражаете, если я предложу вам посидеть несколько минут в комнате для ожидания? – спросил мужчина Энджи. – Хочу взглянуть на этого молодого человека.

Энджи неуверенно посмотрела на Харви:

– Мне подождать?

Он кивнул.

Сиделка придвинула ширму к его кровати, и врач откинул простыни.

Мужчина в сером костюме улыбнулся, глядя на Харви сверху вниз.

– Когда тебя привезли, я думал, что ты уже мертвец. Я – мистер Уинн, хирург, который делал тебе операцию. Твой отец, случайно, не Квентин Суайр, гинеколог?

– Да.

– Мы вместе учились в колледже Королевской больницы. – Неожиданно выражение его лица стало серьезным, взгляд впился в Харви. – Когда случилось несчастье, поблизости случайно оказался врач. Он сказал, что ты проглотил язык и перестал дышать, в сущности, ты был уже мертв. Тебе здорово повезло, что он проезжал мимо, иначе бы сейчас тебя здесь не было. Мы хотим сделать некоторые анализы – надо убедиться, что с тобой все в порядке. Мы не знаем, как долго продолжалось у тебя кислородное голодание, похоже, минуты две. – Врач поднял булавку. – Я слегка уколю тебя в большой палец ноги. Скажешь мне, если что-то почувствуешь.

– Ой! – Харви ощутил острую боль.

– Великолепно, – произнес Уинн. – А теперь левая нога.

Харви вскрикнул снова.

– Отлично, – пробормотал Уинн, баюкая ногу Харви в руках, затем он постучал по колену резиновым молоточком, потом фонариком, похожим на карандаш, посветил в каждый его глаз по очереди, внимательно их изучая.

– Я видел, как все произошло, – спокойно сказал Харви.

Мистер Уинн слегка приподнял брови и выключил фонарик.

– Я видел, как доктор вышел из своей машины и подошел к моему телу. Я наблюдал за ним.

Харви заметил недоуменное выражение на лице медсестры.

Хирург покачал головой:

– Думаю, тебе это приснилось, дружище.

– Я не спал, – настаивал Харви. – Я могу его описать.

Хирург кивнул, чтобы он продолжал.

– Он…

Харви ясно видел доктора, он выскочил из автомобиля и побежал через дорогу. Потом образ рассыпался на части, замутился, будто вода, в которую бросили камень. Он видел машину доктора, и вдруг она превратилась в другой автомобиль, кто-то сидел за рулем – женщина, которая кричала. Харви попытался вернуть воспоминание, но оно ускользало.

Хирург ободряюще улыбнулся:

– Боюсь, старик, на тебе здорово сказался наркоз. – Он бросил взгляд на листки, прикрепленные к спинке кровати. – Ты был в шоке, тебе вводили кетамин. Он иногда вызывает галлюцинации, которые могут длиться в течение нескольких дней.

– У меня нет галлюцинаций. – Харви посмотрел на медсестру, ища одобрения, но она нахмурилась, ее лицо превратилось в застывшую маску.

Через не загороженное ширмой пространство он увидел женщину в полотняной шапочке, везущую кофе на металлической тележке.

– А как чувствует себя твоя левая рука? – спросил хирург с отсутствующим выражением лица, как будто его мысли были где-то далеко.

– С ней все в порядке.

– Ты не левша?

– Нет.

– Тебе повезло. Она не будет действовать еще пару месяцев.

– Но я правда все видел, – повторил Харви. – Я… я видел…

Насмешливый взгляд хирурга заставил его запнуться, он засомневался: правда, что же он видел? Он хотел сказать доктору, что видел свою мать, но понял, что это будет звучать еще более смехотворно.

– Хотелось бы взглянуть на твоего отца, – улыбнулся мистер Уинн. – Я не видел его лет десять. Передай ему мой привет. Загляну через пару деньков.

Он отвернулся, тихо сказал что-то врачу и сестре и вышел.

Сиделка открепила листочки от спинки кровати, что-то написала на них и прикрепила снова. Потом сложила ширму, шепнула что-то медсестре, и, как щенки на поводке – пришло Харви в голову сравнение, – все трое вслед за хирургом покинули палату.

5

Понедельник, 22 октября

Кэт Хемингуэй, как всегда по утрам, спешила в редакцию, горя нетерпением приступить к работе. Она потеряла перчатки и засунула руки глубоко в карманы плаща от «Бёрберри», в стиле пятидесятых годов. Она купила этот макинтош в комиссионке на Ковент-Гарден, и он был ей велик на размер. Под плащом на ней был двубортный пиджак мужского покроя, бесформенная черная юбка и черные легинсы.

Процесс макияжа раздражал Кэт, да ей почти не требовалась косметика, хотя твердой уверенности в этом у девушки не было. Ее кожа сияла здоровьем, худое скуластое лицо оживляли веснушки, рассыпанные по лбу, щекам, на хорошеньком вздернутом носике. Краситься она не умела и накладывала слишком много грима, не очень разбираясь, куда какой наносить, что вместе со спутанной копной пшеничных волос придавало ей вид продавщицы с дешевой распродажи или студентки-старшекурсницы, но никак не репортера, ищущего свою тему.

Вход в редакцию располагался на боковой улице, на противоположной стороне размещались административные здания, ряд примыкающих друг к другу гаражей и строительная площадка. За спиной Кэт громоздился мусорный бак, и, когда она, слегка толкнув плечом синюю дверь, входила в темный вестибюль с цементным полом, в холодном сумеречном воздухе раздался стон подъемного механизма. В вестибюле на переднем плане висели пожарный огнетушитель, пробковая доска объявлений с пожелтевшим актом об эксплуатации, приколотым кнопками, рейка с гвоздиками, на которые нанизывали объявления, рядом – расписание смен типографских рабочих, деревянная стойка с ячейками, над которыми маячило отпечатанное большими буквами объявление: «Запись посетителей». За стойкой сидели двое охранников и болтали. Они отвлеклись от своего разговора, когда вошла Кэт, и дружелюбно с ней поздоровались.

– Привет! – Она торопливо махнула им рукой.

Кэт быстро поднялась на один лестничный пролет, где с голых, выкрашенных синей краской стен кусками сыпалась штукатурка, и пошла по длинному узкому коридору мимо бухгалтерии и отдела распространения. Взглянула на свои наручные часы – поддельный «картье», купленный три года назад в Бангкоке. Без десяти девять.

Кэт ускорила шаг и вышла на лестничную площадку в конце коридора, где стоял слабый запах подгоревшей пищи. Отсюда одна лестница вела наверх, в кафетерий, а другая вниз – в экспедицию и типографию; тут же висел ряд воззваний, обращенных к сотрудникам редакции: «Репортажи о несчастных случаях – вот что от вас требуется», «Десятипроцентная скидка на уборку квартир», «Меню. Понед. Тушеное мясо. Вторн. Цыпленок по-мадрасски с карри».

Здание представляло собой настоящий лабиринт; Кэт работала тут уже три месяца, но до сих пор еще не полностью освоила его географию. Были и такие, кто, проработав год, не преуспел в этом.

Она рывком распахнула двойные двери, которые находились прямо перед ней, и вошла в отдел новостей – просторное, без перегородок помещение во всю длину здания, заполненное рядами столов, заваленных бумагами, на каждом – компьютер. За многими уже работали, и в комнате царила атмосфера несуетливой деловитости, которая медленно сходила на нет в течение дня, по мере того как шесть выпусков газеты отправлялись в печать.

Колонны, балки, батареи отопления и трубы кондиционеров, окрашенные в красный цвет, резко выделялись на фоне кремовых стен, коричневого коврового покрытия и столов.

Унылый дневной свет проникал через окна, расположенные по обе стороны здания; из неоновых трубок, подвешенных на цепях под потолком, лился холодный, мертвый свет. Шипение отопительной системы и мягкое постукивание клавиатур образовывали постоянный звуковой фон.

Кэт прошла мимо столов хроникеров. Заняты были только два. На одном из пустых столов разрывался телефон. На столе литературного критика лежала груда романов в твердых обложках, а на столе обозревателя кино и телефильмов громоздилась куча видеозаписей. Большинство репортеров были уже на месте и работали, помощники редакторов в задумчивости скребли подбородок, а у стола художника шла горячая дискуссия. Две машинистки в наушниках быстро набирали тексты на компьютерах. Главный редактор, его заместитель и ночной редактор сидели за своими столами прямо позади команды редактора отдела новостей.

Кэт повесила макинтош на крючок в углу комнаты, проскользнула за свой стол, уселась на вращающийся стул, с шумом бросила на пол сумку и улыбнулась Джоанне Бейнз, еще одной репортерше, сидящей напротив, заметив, что ни Даррен Уайт, ни Шэрон Левер, которые занимали столы слева от нее, еще не пришли. Джоанна Бейнз что-то яростно набирала на компьютере, рядом с ней поднималась струйка сигаретного дыма: не отрываясь от работы, коллега махнула Кэт рукой.

Кэт стала разбираться в хаосе бумаг, заполнивших стол. В субботу она целый день отсутствовала – была ее очередь вести репортажи с места происшествий. Попытка изнасилования студентки-медсестры и нападение на жену бывшего мэра. Ну а в итоге бумажная куча выросла, и теперь она надеялась ее разобрать.

Кэт добавила еще несколько листков, с которыми сейчас работала. Стол у нее был точно такой же, как у всех остальных, – пластик под красное дерево, с металлическими ножками и четырьмя ящиками. Но он давал ей почти такое же ощущение тепла, что и ее квартира, хотя на нем не было никаких предметов личного характера – только стандартный ежедневник в черной обложке, стопка бумаги, куча ручек и экран монитора, уже включенный, с единственной высвеченной на нем командой: «Нажмите любую клавишу, чтобы привести компьютер в действие». Но все это принадлежало ей, это было ее рабочее место и милый ее беспорядок.

Кэт пробежала пальцами по клавиатуре, вызвав на экране вчерашнюю ленту новостей, и бегло просмотрела те, о которых сообщалось по радио, обращая внимание только на события, которые происходили в пределах Суссекса. Когда ей нужно было освещать какое-нибудь определенное событие, она могла сделать копию того, что ей приглянулось, – выбрать по своему усмотрению.

Кэт просмотрела сообщения: «Расследование гибели на строительных лесах», «Исчезновение самолета в Гэтвике», «Отключение трансляции радиопередач из-за неполадок», «Бывший полицейский уличен в причастности к наркобизнесу». Сегодня ей предстояло сделать два сообщения: о медсестре и о жене бывшего мэра, которая теперь находилась в больнице. Кэт вынула из сумки блокнот и пролистала стенографические записи, краем глаза наблюдая, как редактор отдела криминальных новостей продвигается к ней, держа в руке лист с компьютерной распечаткой. Это был мягкий, спокойный мужчина лет тридцати пяти, с редкими светлыми волосами, с залысинами на лбу. Одет, как всегда, в неизменный серый костюм из шерсти, относительно модный, но выглядевший так, будто в нем спали. Как все журналисты, редактор слегка сутулился – возможно, считала Кэт, от долгих часов работы за компьютером.

– Ну как уик-энд? – спросил он.

– То, что от него осталось? – уточнила Кэт. – Великолепно.

– Ты неплохо себя проявила.

– Да ну? – просияла она.

– Я имею в виду ту пожилую даму, на которую напали, жену бывшего мэра. Терри очень понравилось. Хочет открыть ею первый выпуск.

Терри Брент был главным редактором.

– А подпись? – поинтересовалась Кэт.

Редактор кивнул.

– Отлично! Очень рада!

– Сегодня утром я кое-что раздобыл для тебя. Попахивает дьявольщиной.

– Да ну?

– Звуки из могилы.

Кэт в удивлении подняла брови и увидела, как редактор усмехнулся.

– Звуки из могилы?

Он вручил ей распечатку, и на мгновение их взгляды встретились. Кэт отвела глаза и в замешательстве взглянула на листок. Он привлекательный мужчина, но не стоит забивать себе голову. Он женат. Ей нравилось, что он никогда не терял душевного равновесия. Казалось, не было случая, чтобы он вышел из себя. Интересно, знает ли он, что такое ярость, настоящая ярость? Наверное, нет. Он похож на камень, который омывают морские волны: чем сильнее накат, тем мягче оглаживают его волны. Основательный, приятный. Она прочла распечатку.

> Телефонограмма от полицейского Такера, Брайтонская полиция. Принята в 8 ч. 10 мин. утра 22 октября с. г. Коронеру направлен запрос на эксгумацию в связи с сообщением о звуках, доносившихся из могилы на кладбище Св. Анны в Брайтоне. Как ожидается, разрешение на эксгумацию будет получено сегодня в полдень.

Кэт смахнула с лица непослушную прядь.

– Больше ты ничего не знаешь?

– Нет. – Редактор помолчал. – С эксгумациями всегда трудности. Их производят за ширмой и особо не распространяются. Поезжай и посмотри, что там такое, – может, наберешь материал для небольшой статейки. Отдел фотокоров тоже хочет поучаствовать. Посылают с тобой фотографа.

– Звуки из могилы? Что они собираются откопать – дух королевы Виктории?

– Это барышня двадцати трех лет. Она была похоронена в прошлый вторник.

Кэт заморгала:

– Они что, думают, она жива?

Редактор улыбнулся:

– Сомневаюсь. Такое время от времени случается. Кладбища пугают людей, ветка застучит, а все думают, что мертвые восстают из гроба.

– О ней что-нибудь известно?

– Нет, но, возможно, тебе удастся кое-что раскопать. Слегка приукрась. Сделай из этого небольшой репортаж.

Кэт сняла с крючка плащ, подошла к редактору фотоотдела и узнала, кого с ней отправляют. Потом спустилась к охранникам и выписала себе мобильный телефон.

6

Харви смотрел, как облачко голубого дыма кувыркалось по комнате, приближаясь к нему. Преподобный Боб Аткинсон, школьный капеллан, развалился в своем старом, набитом конским волосом кресле, его ноги в серых носках и черных ботинках со шнурками, торчащие из-под подола сутаны, покоились на самом краешке скамеечки для ног. Капеллан бросил использованную спичку в оловянную пепельницу на резном деревянном столике, стоящем рядом, вынул изо рта трубку и задумчиво держал ее на весу.

Комната была маленькой и захламленной, на полу лежал выцветший персидский ковер, полка угрожающе прогнулась под тяжестью книг, выпавшая поздравительная открытка лежала на угольях в медном ведерке, несколько эстампов в рамках, с изображением религиозных сцен, нарушали пустоту выгоревших бумажных обоев.

Харви чувствовал запах готовящейся пищи и слышал, как в кухне жена капеллана стучит посудой под радио, включенное на полную громкость. Он примостился на краешке потертого кожаного дивана, закинул ногу на ногу – на нем были серые фланелевые брюки, – потом поставил ноги как положено и в ожидании ответа капеллана стал разглядывать свои ногти, с досадой заметив у ногтевых лунок на некоторых пальцах белые точечки кальция. Под ногтем указательного пальца была грязь, и он благоразумно прикрыл его большим пальцем. В окно Харви увидел, как малиновка села на солнечные часы в маленьком заросшем садике.

– Очень интересно, – сказал капеллан.

У него было широкое простое лицо, густая черная челка и лысина на макушке. «Он вполне мог бы сойти за ударника какой-нибудь поп-группы», – подумал Харви.

– Именно это в библейские времена люди сочли бы мистическим опытом, – продолжил преподобный.

Харви ничего не ответил.

Капеллан прикусил мундштук трубки.

– У тебя было нечто вроде видения?

– Видения?

– Да. – Капеллан сомкнул пальцы вокруг трубки и шумно затянулся, трубка погасла. – Ты был очень близок со своей матерью?

Харви пожал плечами:

– Да, полагаю, достаточно близок.

– И ты уверен, что действительно встретился с ней и это не было ни сном, ни галлюцинацией?

– Уверен.

– Некоторые сны бывают настолько живыми, что утром, проснувшись, думаешь, а не случилось ли это на самом деле.

– Когда произошел несчастный случай, я видел все как бы со стороны.

Капеллан открыл коробок и вынул еще одну спичку с красной головкой.

– Удивительно. А ты не думаешь, что составил представление об этом из того, что рассказывали тебе твои приятели? – Он чиркнул спичкой, поднес ее к трубке и подержал там некоторое время.

Неожиданно Харви разозлился:

– Разве вы не верите в загробную жизнь? – Его левая рука заныла под пластырем.

Капеллан сделал затяжку, выпустил дым через ноздри и распрямил ноги.

– Верю, конечно, – сказал он тихо.

– Пока это не случилось с тем, кого вы знаете?

Капеллан нахмурился:

– Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

– Я перестал дышать, так мне сказал врач. Следовательно, пару минут я был мертв. Они беспокоились, поэтому мне сделали анализы, рентген и все прочее. То, что я видел, я видел, когда был мертв; ведь у мертвецов не бывает галлюцинаций?

– Мы не знаем, Харви, никто этого не знает. Нам остается только полагаться на то, чему учит Священное Писание.

– Почему? Почему нельзя поверить мне?

Капеллан несколько раз затянулся.

– Ты любил свою мать, это верно, и ты тяжело переживал ее смерть. Это произошло всего несколько месяцев назад, конечно, ты и сейчас находишься в тяжелом моральном состоянии. Потребуются годы, чтобы оправиться от этого удара. Но ты парень сильный, и ты справишься. На тебя здорово подействовал несчастный случай, и сказать по правде, я думаю, ты несколько смущен, что поотстал в учебе. – Он поднял глаза и устремил взгляд прямо на Харви.

Харви прикусил губу, чтобы не показать своего разочарования. Ребята считали Боба Аткинсона своим в доску – в отличие от остальных учителей, с ним можно было говорить. Харви надеялся, что капеллан поймет его, предложит какое-нибудь объяснение.

– Я видел это ясно, – сказал Харви. – Я парил над землей. И наблюдал, как доктор пытается воскресить меня. Потом я попал в тот туннель, и там была моя мама.

– И где, как ты думаешь, ты был?

Харви заколебался:

– Это что-то вроде границы… на пути в небо…

– Почему ты так думаешь?

Харви покраснел и откинул со лба волосы.

– Там было так хорошо. Какой-то миг я действительно был счастлив, невероятно счастлив. Никогда в жизни я не испытывал такого счастья.

– И потом ты испугался?

– Нет, не думаю. Я скорее разозлился оттого, что они не позволили мне… ну… вроде бы как… остаться там. Не разрешили войти. Не дали как следует поговорить с мамой.

Капеллан стал серьезным.

– Ты не встретил там Бога или Иисуса? Или апостола Петра?

Харви покачал головой.

– Ты не думаешь, что это несколько странно? Попасть на небеса и никого из них не увидеть?

Харви почувствовал, как у него внутри что-то оборвалось.

Капеллан улыбнулся доброй улыбкой:

– Харви, я не думаю, что Господь позволит нам пересекать эту границу. Это не входит в Его планы. Ты помнишь Послание апостола Павла к коринфянам? «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу…»[2] – Он откинулся назад и зажег новую спичку. – Ты понимаешь, что хотел сказать апостол Павел, Харви?

– Не совсем.

– Он говорит, что нам не дано понять или видеть то, что находится вне нашего мира. Все время, которое нам отведено, мы смотрим в тусклое стекло, потом, когда это время истечет, мы увидим то, что находится за ним, и тогда на нас снизойдет понимание этой жизни. Но не раньше.

– Почему же?

---

[2] 1 Кор. 13: 11–12.

– Потому что на то воля Божья.

– И мы должны смириться с этой Его волей?

Капеллан, казалось, был смущен.

– Конечно должны, Харви. Мы – слуги Его. Ослушавшись Бога, мы навлечем на себя погибель.

Харви пожал плечами:

– А вы не думаете, что у нас есть право подвергать сомнениям Его волю?

Последовало молчание.

– Когда ты богохульствуешь, Харви, вот как сейчас, – тихо сказал наконец капеллан, – ты открываешь себя злым, темным силам. Ты лишаешься защиты Божьей.

– Я не богохульствую.

– Богохульствуешь. Подвергать сомнениям Божью волю и разглагольствовать о ней подобным образом – это и есть богохульство; ты слабеешь духом и даешь возможность злу овладеть тобой. – Капеллан улыбнулся. – Давай помолимся вместе за твоих родителей.

7

Понедельник, 22 октября

Кэт Хемингуэй сидела на месте пассажира в маленьком «форде» из гаража «Суссекс ивнинг ньюс», а Эдди Бикс, штатный фотограф, назначенный на задание вместе с ней, въезжал на холм, ведущий к церкви. Это был здоровенный неуклюжий парень, чуть старше двадцати, в форменных камуфляжных ботинках, джинсах и дутом жилете. Детское лицо Эдди сияло жизнерадостностью, светлые волосы были пострижены ежиком, а в ухе он носил золотую серьгу. Каждый раз, когда Кэт выезжала с ним на репортажи, у него было новое увлечение. На этой неделе он сходил с ума по плавающим камерам.

– В темноте потрясающе! Просто свободный дрейф. Я хочу сказать, такое потрясное чувство – во-о-о!

Она почти не слушала, думая о другом. Стук из могилы. Двадцатитрехлетняя девушка. На год моложе ее.

Кэт вспомнила, как однажды в детстве, играя в прятки, она залезла в старый сундук, а когда попыталась приоткрыть крышку, не смогла ее сдвинуть и вдруг почувствовала, как что-то ползет по ноге. Кэт чуть не сошла с ума, стала кричать и колотить в стенки сундука что есть мочи. Сестра вошла в комнату и, вместо того чтобы освободить Кэт, начала стучать по крышке и стонать, как привидение, а это что-то все продолжало ползти вверх по ноге; Кэт визжала и пыталась смахнуть его, и оно больно укусило ее с внутренней стороны бедра. Позднее Дара сунула ей прямо в нос барахтающегося черного жука длиной три дюйма.

– Все дело в темноте, – с энтузиазмом продолжал Эдди Бикс. – Это ни с чем не сравнимое чувство, ты находишься в своей собственной вселенной.

Машина была грязная, в ней пахло освежителем воздуха. Круглый указатель с надписью «Не курить» был запихнут за щиток прямо перед Кэт. Дворники скрипели по ветровому стеклу, размазывая тонкую пленку изморози.

– Нужно попробовать групповую динамику, самоутверждение. Я чувствовал себя недостаточно уверенным. На этой работе с тобой иногда обращаются как с настоящим дерьмом. Но теперь это меня не особенно беспокоит. Я знаю, что делаю нужное дело. – Он поднял руку и показал: – Вот. Мой двоюродный брат женился тут пару лет назад.

Церковь находилась довольно далеко от дороги и была маленькой и старой. «Колокольня в норманнском стиле», – подумала Кэт, припоминая школьный курс по истории архитектуры. Вытянутые окна размещались в алтарной части и казались совершенно неуместными, цементная штукатурка на стенах кое-где осыпалась. Церковь, как большинство кладбищенских храмов, была ветхой, а кладбище перед ней выглядело заброшенным.

Справа стоял современный кирпичный дом викария. Через дорогу располагался ряд каменных коттеджей, а за церковным погостом находилось маленькое современное кладбище, и некоторые коттеджи своей задней стеной были обращены к церкви.

«Форд» остановился позади полицейской машины и темно-зеленого фургона. Других машин не было, как и репортеров. Мужчина в рабочем комбинезоне стоял на лестнице и мыл высокие окна в алтаре.

Внутри у Кэт все сжалось. Обычно в начале любого своего задания ей хотелось поискать что-то такое, чем еще никто не успел воспользоваться, – свидетеля, или жертву, или прохожего, которого не успели расспросить, хотелось взглянуть на все с другого ракурса. Но сегодняшнее задание было ей неприятно, она надеялась, что тут ничего не произошло и ниточка, которую

им дали, окажется ложной. Эдди открыл дверцу, и в машину ворвался порыв холодного ветра. Фотограф взял с заднего сиденья два своих «никона» и длинные фокусные объективы и повесил их себе на шею, потом уставился на небо и произвел в уме какие-то вычисления, бормоча с сомнением: «Два и восемь». Сняв колпачок с объектива одного из фотоаппаратов, Эдди установил световой фильтр и внимательно изучил каменные коттеджи через дорогу.

– Никогда не фотографировал эксгумацию, – сказал он. – Вот пару трупов – да, пришлось снять. Самое лучшее в них то, что они не двигаются.

– О господи! – воскликнула Кэт.

Сильный порыв ветра разметал ее волосы.

Она увидела голубой щит и наклеенное на нем объявление с указанием времени служб в церкви, под ним подпись викария: «Преподобный Нейл Комфорт».

– Подходящее имечко для викария, – заметил Эдди.

Они прошли на кладбище. Оно было старое, запущенное, многие надгробия накренились, некоторые обросли мхом и лишайником, на других почти стерлись надписи.

– Современное кладбище сзади, – сказал Эдди.

Кэт смотрела на могилы с чувством неловкости. Кладбища пугали ее. Она шутя говорила, что после смерти станет донором – пожертвует во славу науки свои органы, но по некоторым причинам не составляла завещание – ей не хотелось думать о том, что она смертна. Она старалась не зацикливаться на мысли о смерти, возможно, потому, что ей часто приходилось сталкиваться с ней по работе: тела, извлеченные из покореженных машин, рыдающие вдовы; попытки раздобыть фотографии у убитых горем родителей. Иногда трагедии других людей значили для нее так же мало, как имена на могилах, мимо которых она шла сейчас, и тогда Кэт пугалась, уж не стала ли она слишком бесчувственной, слишком толстокожей. Но как-то ее отправили брать интервью у четырехлетней девчушки, умирающей от лейкемии, и остаток дня Кэт провела, борясь со слезами.

Шагая по мощеной дорожке через старое кладбище, Эдди и Кэт миновали высокое тисовое дерево, ветки которого бились о стену. Ветер гнал впереди стайку сухих листьев.

– Обычно вокруг кладбища сажают тисы, чтобы отогнать злых духов, – сказал фотограф.

– Это из тиса делают крикетные биты?

– Да нет же, из ивы. Господи, ну и тупые же вы, янки! Ты сколько лет тут живешь?

– Десять.

– И до сих пор не знаешь, из чего делают крикетные биты?

Кэт усмехнулась, но, когда они обошли церковь и увидели полицейского в форме, лицо ее помрачнело. Полицейский стоял перед белой лентой, которая огораживала кладбище позади него, крошечное, опрятное, с потемневшими по-осеннему березами по краям. Виднелись ворота, поперек которых тоже были протянуты белые ленты, одна из них отшпилилась и болталась, как хвост у воздушного змея.

Кэт уже успела познакомиться с некоторыми местными полицейскими, но этого она видела впервые. Молодой, с враждебным и скучающим взглядом. Она протянула ему свою пресс-карту; с легкой презрительной усмешкой он взглянул на фотоаппараты у Эдди на шее.

– Никакой прессы, – заявил он.

Порыв ветра слегка сдвинул его фуражку, и он натянул ее поглубже.

– А кто же допускается? – спросила Кэт.

Позади, ближе к концу кладбища, двое мужчин растягивали импровизированную зеленую ширму, вбивая колышки, как будто ставили палатку. Ширма дико хлопала на ветру, и им приходилось туго. Полицейский устремил взгляд поверх Кэт, словно ни ее, ни Эдди рядом не было.

– Ну так как, старик, – вступил в разговор Эдди, – кому разрешается присутствовать?

– Кому надо. – Полицейский, как часовой, молча продолжал смотреть вперед.

Кэт начала злиться.

– К кому здесь можно обратиться?

Полицейский покачал головой.

– Эксгумация будет происходить здесь?

Он снова ничего не ответил.

Эдди подмигнул Кэт и зашагал назад по дорожке. Она пошла за ним следом. Он остановился и кивнул в сторону современных домиков:

– Можно увидеть все отсюда.

– Я хочу разыскать викария, – сказала Кэт.

– Я тоже пойду и щелкну его. Священники всегда здорово смотрятся.

Викарий открыл дверь и выжидающе поглядел на них. Он оказался высоким мужчиной лет пятидесяти, с настороженным взглядом, зачесанными назад короткими волосами и, что удивительно, в модных очках с черепаховой оправой. Поверх облачения на нем была военного покроя куртка, на ногах – кожаные шлепанцы.

– Мистер Комфорт? – спросила Кэт.

– Да, – ответил викарий с явной неохотой.

– «Ивнинг ньюс». Не могли бы вы дать нам какую-нибудь информацию об эксгумации?

Лицо викария застыло, он напряженно держал дверь, борясь с ветром.

– Это процедура сугубо частного характера. – Он говорил твердо, уверенно. Уголки его губ слегка подергивались – не то он нервничал, не то злился. Взгляд его перешел на Эдди.

– Вы венчали моего двоюродного брата, Дика Биллингтона, – сказал тот. – Пару лет назад.

– Неужели? – Выражение лица викария несколько смягчилось. – Из Корнуолла? Женился на местной девушке, Дженни Волленс?

– Из Девона, – уточнил Эдди.

– Да, я его помню. – Однако ни по выражению лица преподобного Комфорта, ни по его тону невозможно было понять, какого же он мнения о Дике Биллингтоне или о Дженни Волленс.

– Мы не хотим вмешиваться в личные дела. У нашей газеты такая политика, – пояснила Кэт. – Мы надеялись получить у вас информацию общего характера.

Преподобный Комфорт заколебался.

– Было затребовано разрешение на эксгумацию, однако оно еще не получено, – сказал он.

– Но вы ожидаете, что разрешение будет дано? – Кэт вынула блокнот и начала стенографировать.

Викарий смотрел на блокнот, словно это была иностранная монета в коллекционной витрине.

– Коронер дал разрешение. Дело за лицензией, которую должны выдать местные власти.

– Возможно, это произойдет сегодня?

– Боюсь, я не знаком с этой бюрократической процедурой.

– Не могли бы вы рассказать что-нибудь о человеке… чье тело будет эксгумировано?

– Боюсь, что нет. Это частное дело. Заявка была подана по настоянию мужа покойной.

– Как ее звали?

Викарий заколебался.

– Салли Дональдсон. Девичья фамилия Макензи.

Кэт записала.

– Вам раньше приходилось иметь дело с эксгумацией?

– Нет. Никогда. – Викарий сухо улыбнулся. – В подобных делах у вас, вероятно, больше опыта, чем у меня.

Кэт улыбнулась в ответ, пытаясь растопить ледяную завесу.

– Это правда, что люди слышали какие-то звуки из могилы?

Викарий посмотрел на Эдди, тот менял объектив фотоаппарата, его дутый кожаный жилет вздымался волнами.

– Некоторые местные жители думают, что они что-то слышали.

– Вы разговаривали с ними?

– Нет, не разговаривал.

– А есть ли какая-нибудь возможность, что она еще жива?

– Абсолютно никакой. Мы связались с больницей, свидетельство о смерти было выдано после всех надлежащих процедур. Даже мысли допустить нельзя, что женщина может быть живой.

– Тогда почему же ее собираются эксгумировать?

Викарий несколько раз моргнул, явно нервничая.

– Для спокойствия ее неутешного мужа, – ответил он.

– Вы слышали, чтобы когда-нибудь людей хоронили заживо?

– Думаю, нечто подобное вы скорее найдете у Эдгара Аллана По.

– Значит, вы не считаете, что необходима срочность, что нужно действовать, не дожидаясь официальной лицензии?

Судя по выражению глаз викария, он рассердился еще больше, голос его стал более натянутым:

– Нет, не считаю.

– Вы знаете, от чего она умерла… ушла от нас?

– Насколько я понимаю, из-за проблем с дыханием.

– В ее-то возрасте? – Кэт сделала пометку.

– У нее были осложнения в связи с беременностью.

– Она была беременна? – удивилась Кэт.

– Насколько мне известно, на шестом месяце.

Кэт перевернула страничку блокнота.

– Но если это частное дело, не могли бы вы объяснить нам, почему тут находится полиция?

Прежде чем ответить, викарий глубоко вздохнул.

– Мы попросили их приехать, чтобы помочь нам сохранить все в секрете.

– Итак, вы не верите, что тут есть что-то подозрительное?

Последовал порыв ветра, послышался раскат грома, и пошел дождь. Викарий посмотрел на молодых людей с вызовом, как будто хотел сказать, что скорее провалится в преисподнюю, чем пригласит их войти в дом.

– Нет.

– Могу я вас спросить о самой процедуре?

– Боюсь, я в данный момент очень занят.

– Конечно. Простите. Вы нам очень помогли.

Эдди отступил на несколько шагов.

– Моментальное фото для газетной колонки.

– Но я действительно… – начал было викарий.

Кэт услышала, как щелкнул затвор фотообъектива – раз, другой.

Викарий повернулся и вошел в дом. Кэт еще раз поблагодарила его, но он ничего не ответил, как будто сожалея о том, что сказал, и закрыл дверь прямо у них перед носом.

Эдди запихнул фотоаппарат в футляр.

– Попробуем пройтись по домам?

Кэт кивнула, они пошли вверх по дороге, склонив голову под дождем, и свернули направо, к ближайшим маленьким современным домикам.

– В последний? – спросил Эдди.

Стало холоднее, и Кэт засунула руки поглубже в карманы плаща. Они прошли по кое-как замощенной дорожке, мимо маленькой лужайки, такой зеленой и так тщательно прополотой, что она казалась искусственной, и позвонили в дверь.

Звонок печально тренькнул. Внутри плакал младенец, по радио передавали трескучую музыку. Дверь отворила женщина в возрасте, на ней поверх джинсов был передник с изображением Снупи, героя мультяшки, и майка, волосы кое-как собраны на затылке и завязаны лентой. Хозяйка что-то жевала и выглядела встревоженной. В доме пахло пеленками и детской присыпкой. В прихожей повсюду валялись игрушки.

Эдди помахал пресс-картой и наклонился вперед с веселой улыбочкой:

– Привет! «Ивнинг ньюс». Мы пишем репортаж о том, что происходит на кладбище. Нельзя ли воспользоваться одной из ваших комнат наверху, чтобы сделать оттуда несколько снимков?

Женщина посмотрела на парня так, словно он был не в своем уме.

– А что там происходит? – спросила она.

Появился маленький мальчик на трехколесном велосипеде и тут же врезался в плинтус. Женщина резко повернулась.

– Томми! – крикнула она. – Быстро давай отсюда, или я тебя отшлепаю. – Потом снова посмотрела на Эдди и Кэт.

– Эксгумация, – сказала Кэт.

– Что?

– Вскрывают могилу молоденькой женщины, которую похоронили в прошлый вторник.

Не переставая жевать, хозяйка дома внимательно оглядела Кэт и Эдди.

– А, ну да, кто-то говорил насчет стуков или что-то в этом роде.

Заревел младенец.

– А вы сами-то не слышали ничего необычного? – спросила Кэт, не вынимая блокнота из кармана.

Вмешался Эдди:

– Нет ли у вас кладовки или чего-нибудь такого, что выходило бы…

Лицо женщины заметно помрачнело.

– И сколько вы еще тут пробудете?

Эдди вытащил бумажник, порылся и выудил оттуда пятерку.

– Посильный вклад, – сказал он, вручая хозяйке дома бумажку.

Та сунула ее в передник, будто не заметив.

– Я ухожу в одиннадцать.

– Прекрасно.

Они пошли за женщиной вверх по лестнице. Дом был обставлен довольно скудно, как будто в него только недавно въехали. Они вошли в комнатушку с ковром, где не было ничего, кроме нескольких картонных коробок, сумки с принадлежностями для гольфа и картонки с подгузниками. Пахло свежей краской. В комнате было большое окно.

– Отсюда самый лучший вид, – сказала женщина.

Окно выходило прямо на кладбище с аккуратными рядами надгробных памятников, оно резко контрастировало с заброшенным старым погостом перед церковью. На расстоянии примерно двадцати футов от них двое рабочих заканчивали ставить ширму. Кэт расстроилась – за ней невозможно было ничего разглядеть. На другом конце кладбища были еще одни ворота, но их тоже охранял полицейский.

Полы похожей на палатку ширмы распахнулись, и оттуда вышел расстроенный молодой человек в деловом костюме и принялся бесцельно ходить вокруг, не обращая внимания на дождь. Эдди развернул телескопическую стойку и прикрутил к ее основанию свой «никон».

– Тот, в костюме, должно быть, ее муж, – заметила Кэт.

– Я запечатлею всех, кого увижу.

– Хочу попытаться поговорить с ним. Встретимся позднее. Идет?

Увлеченный своим оборудованием, Эдди рассеянно кивнул.

Кэт вышла и позвонила в другую дверь. Ответа не последовало. Она двинулась к следующему дому. Ей открыла женщина с седеющими волосами.

Кэт улыбнулась:

– Простите за беспокойство. Я из «Суссекс ивнинг ньюс».

– Нет, спасибо, – сказала женщина слегка хрипловатым голосом и стала закрывать дверь.

– Я ничего не продаю. Я – репортер. Хотела бы узнать, может быть, вам что-то известно о…

– Простите. Мне ничего не нужно. – Раздался щелчок замка.

– Вот корова, – пробормотала Кэт и направилась дальше.

Дверь отворила полная веселая женщина с короткими каштановыми волосами, в аккуратном коричневом платье.

– О да! Стуки! – сказала она голосом организаторши празднеств и сборщицы пожертвований на ремонт церковной крыши. – Не могу сказать, что я слышала их собственными ушами. Вы уже были в коттеджах?

– В тех каменных, напротив церкви?

– Да. Номер двенадцать, миссис Херридж. Она абсолютно уверена, что слышала, как кто-то кричал несколько дней назад. Но дело в том, что она несколько… вы понимаете? – Женщина повертела пальцем у виска.

– Не могу ли я записать ваше имя?

– Памела Уэстон. Миссис Уэстон.

– Вы полагаете, что женщина могла быть похоронена заживо?

Миссис Уэстон наклонила голову сначала в одну сторону, потом в другую.

– Ужасное предположение, не правда ли? Я надеюсь, что нет. Боже, не могу придумать ничего ужаснее этого. Я хочу сказать, как же она могла дышать? А что, люди думают, она еще жива?

– Похоже, предстоят немалые хлопоты, – ответила Кэт.

– Дайте мне знать, если что-нибудь услышите, ладно?

Кэт пообещала и пошла к каменным коттеджам в надежде переговорить с миссис Херридж, проживающей в доме номер двенадцать.

Та действительно слышала регулярно повторяющиеся стуки «SOS» морзянкой. Слышала она также стоны и крики о помощи. И еще ей является Христос. Он регулярно ее навещает и дает крайне важные советы для человечества. Однажды Он посетил ее, когда она была в уборной, и передал послание, которое необходимо поведать миру незамедлительно. Миссис Херридж убеждала Кэт напечатать об этом важном событии в газете. Кэт заверила ее, что переговорит с главным редактором.

Кэт обошла остальные коттеджи и дома, расположенные поблизости. Еще одному человеку, зубному врачу на пенсии, показалось, будто он что-то слышал, но точно он не был уверен. Каждый *знал* кого-то, кто что-то слышал.

В четверть двенадцатого, воспользовавшись мобильным телефоном, Кэт продиктовала свой первый репортаж редакционной машинистке и поговорила с Джефом Фоксом, редактором отдела новостей; он дал ей указание продолжать работу.

Кэт умудрилась выудить у полицейского подтверждение, что мужчина в костюме за ширмой был мужем Салли Дональдсон, и стала поджидать у входа на кладбище, когда он оттуда выйдет.

В течение следующего часа появилась еще парочка местных репортеров. Кэт была с ними знакома, и они обменялись информацией. Утаила она только одно: что муж Салли Дональдсон находится здесь, за ширмой.

Первая информация, отредактированная и сильно сжатая, появилась на пятой полосе полуденного выпуска под названием:

МОЛЬБЫ НАД МОГИЛОЙ СУПРУГИ

Тело несчастной Салли Дональдсон должно быть подвергнуто эксгумации по причине распространившихся слухов о звуках, исходивших из ее могилы на кладбище церкви Св. Анны в Брайтоне.

Салли, двадцати трех лет, умерла 14 октября в брайтонской клинике Принца-регента вследствие осложнений, вызванных беременностью.

Запрос на эксгумацию был сделан викарием церкви Св. Анны преп. Нейлом Комфортом. Коронер Восточного Суссекса дал делу ход.

8

Сквозь окна безмолвной лаборатории просачивалась темнота. В комнате висел неприятный едкий запах формалина. Бунзеновские горелки с рыжими резиновыми соединительными трубками были аккуратно расставлены на длинных деревянных рабочих столах, под ними – штативы для пробирок; стройными рядами вытянулись пузырьки с притертыми пробками и напечатанными на машинке ярлыками: соляная кислота, хлористый калий, окись цинка. На одной из полок – банки с заспиртованными лягушками.

Снаружи тоже было тихо, время как будто остановилось. Харви осмотрел полки, банки с лягушками, реактивы, приборы. Наука. Знания. Он весь горел от возбуждения и вдыхал формалин, как тонкий запах духов.

На доске мелом было написано: «ФОТОСИНТЕЗ». Могущество природы. Жизнь внутри жизни. Бывают моменты, определенные моменты, когда кажется, что жизненная сила исчезает. Но это не означает, что наступает смерть. Смерть иллюзорна.

Лягушка, зажатая в его руке, извивалась. Он чувствовал дрожь, пробегающую по ее телу. Страх и энергия – вот что означали эти судороги. Рот ее то открывался, то закрывался, железы выделяли слизь, она моргала, сгибала свои перепончатые конечности. Она хотела вырваться на свободу, и через мгновение часть ее вырвется, обретет свободу.

Во дворе, внизу, прокричал мальчишеский голос. Ему ответил другой голос. Лягушка снова задергалась. Часы на стене показывали восемь сорок пять. Харви нужно было вернуться в пансион при школе к девяти, чтобы успеть на вечернюю перекличку.

Он бросил лягушку в пластмассовый стакан блендера фирмы «Кенвуд», плотно закрыл крышку и поставил блендер на весы. На другую чашку весов Харви аккуратно поместил гирьки. Четыре фунта три унции семь граммов. Он уже взвесил отдельно пустой стакан и лягушку. Лягушка прыгала на стекло, лапки ее отталкивались от острого неподвижного лезвия в основании.

Харви подключил шнур к розетке на стене, и на блендере сбоку загорелся зеленый предупредительный огонек. Он уставился на свои измерительные приборы, едва замечая лягушку, и схватил большим и указательным пальцем рычажок, приводящий блендер в действие.

Шевельнулась какая-то тень, он вздрогнул и оглянулся.

Это был мистер Стиппл, учитель биологии, в щеголеватом галстуке-бабочке и льняном пиджаке, язвительный, довольно надменный мужчина с гладкими волосами, расчесанными на прямой пробор, и мелкими аккуратными чертами лица. Он сделал в направлении Харви несколько шагов в своих ботинках на резиновом ходу.

– Добрый вечер, Суайр. Так поздно работаете?

– Я провожу эксперимент, сэр, – сказал Харви.

– Да ну! – Мистер Стиппл внимательно посмотрел на блендер. – Не сочтите за труд объяснить мне свой эксперимент.

Харви вызывающе посмотрел на учителя. Лягушка подпрыгнула, он убрал пальцы с выключателя.

– Эксперимент в области кулинарии? Вы готовите из лягушки суп?

– Я провожу эксперимент относительно потери веса, сэр, – пояснил Харви.

Учитель стал еще внимательнее рассматривать лягушку.

– Эксперимент по потере веса?

– Я хочу заметить разницу в весе в момент смерти.

– В домашнем блендере?

– Предав лягушку смерти в этом закрытом контейнере, ничего не добавляя и ничего не вынимая оттуда, я смогу определить, происходит ли потеря веса или массы в момент смерти.

– И что же может доказать эта потеря веса, или массы, в момент смерти, Суайр? – Мистер Стиппл всегда говорил на децибел выше, чем требовалось, как будто обращался к невидимой аудитории.

– Это может доказать, что у лягушки есть душа.

– Душа? – эхом повторил изумленный учитель. – Вы верите, что у лягушки есть душа?

– Я думаю, возможно, у всех живых созданий есть душа, сэр.

– Вы когда-нибудь читали Поупа[3], Суайр?

– Нет, сэр.

– Стоит почитать, мой мальчик. «Вы теряете нить жизни в тот момент, когда анатомируете какое-либо создание»[4].

– Вы тоже все время препарируете животных, сэр.

Мистер Стиппл поднял вверх палец:

– Для пользы дела, Суайр. Только для пользы дела.

– У меня тоже есть цель, – настаивал Харви.

– Эта лаборатория предназначена только для изучения программы экзаменов нулевого и А-уровней, Суайр. Это не место для жестоких игр.

– А я и не играю в жестокие игры.

– Не думаю, что умерщвление лягушки в блендере можно считать серьезным экспериментом, Суайр. Это одна из наших лабораторных лягушек?

– Нет, сэр, я поймал ее сам.

– Предлагаю вам поторопиться в пансион, Суайр. Уже почти девять. А по дороге выпустите эту лягушку. А откуда блендер?

– Он мой, сэр. Из дома.

– Пусть останется пока у меня.

Крепко сжав губы, Харви покинул лабораторию, спустился по каменным ступенькам и вышел во двор. Поколебавшись, выпустил лягушку в кусты и быстро зашагал в направлении школьного здания.

Учитель биологии наблюдал за ним через зарешеченное готическое окно здания в викторианском стиле. Этот мальчик беспокоил его, как и все остальные, впрочем. Он был неглупым и временами проявлял недюжинные способности, когда хорошенько сосредоточивался, но обычно он пребывал в своем собственном мире. Он всегда был несколько погружен в себя, что вызывало у некоторых учителей опасения. После той аварии ему определенно стало хуже, у него стали появляться эксцентричные идеи, он задавал странные вопросы. Ему бы сосредоточиться на подготовке к экзаменам, а он носится с этой навязчивой идеей о смерти.

Возможно, если быть справедливым, он все еще переживает потерю матери.

Куча мальчишек притаилась у боковой двери: Харви увидел горящую красную точку и почувствовал сигаретный дым.

Несколько его однокашников оглянулись, когда он шел по дорожке. Один из них сказал:

– Зомби идет!

Последовал взрыв хохота.

– Эй, Харви, как там поживает твой друг Боженька? Он собирается тебе помочь с экзаменами?

– Эй, Харви! – прокричал другой, Хорстед. – Андерсон говорит, те люди, которые побывали на том свете, становятся зомби. Он считает, что ты определенно стал зомби.

---

[3] *Александр Поуп* (1688–1744) – английский поэт.

[4] Цитируются строки из поэтического цикла А. Поупа «Опыты морали».

Харви ничего не ответил.

Уоллс-младший сморщил нос и сделал вид, что принюхивается.

– От него несет мертвечиной.

Смех провожал его до вестибюля. Они – невежды. Все в этой школе – невежды.

Этот смех преследовал его, когда, возбужденный, он лежал позднее в своей постели и сон не шел к нему. Две недели назад сняли гипс, и рука чертовски болела. Ему было больно лежать на ней, и он перевернулся на спину, но, лишившись опоры, рука стала болеть еще сильнее. Он перекатился на правый бок, но давление на сломанные ребра было слишком сильным, и он с трудом подавил крик боли.

В темноте он слышал дыхание пятерых товарищей по дортуару. Дейкр шумно и прерывисто всхрапывал, всасывая теплый ночной воздух через свои разросшиеся аденоиды. Кто-то слева, не то Пауэлл, не то Уоллс-младший, ворочался, и кроватные пружины стонали. Была тихая душная ночь, и через незанавешенное окно он видел каштан, облитый, как глазурью, лунным сиянием.

Харви закрыл глаза и снова попытался заснуть, но яркий свет луны, казалось, прожигал его череп и проникал в мозг. Он видел мистера Стиппла в его аккуратно завязанном галстуке и представлял, как пытает его кислотой и скальпелем; слышал его крики, чувствовал его судороги под рукой, следил, как ускользает из него жизнь. Харви улыбнулся и почти погрузился в сон.

Затем его обуял новый приступ гнева. Его приятели ухмыляются, перешептываются друг с другом, когда он идет мимо, хихикают у него за спиной.

Харви не был уверен, когда все это началось – то ли после того, как он рассказал им, чтó с ним произошло, то ли после того, как он избил Рекетта. Рекетта, с его огромным обрезанным «петухом» и сексуальными победами, который хихикал громче всех, когда Харви рассказывал, что с ним случилось и что он видел.

– Ты ведь перепихнулся с Энджи, Харви, когда был на небесах? – глумился над ним Хорстед. – Потому что Рекетт трахнул ее, когда ты валялся в больнице. Говорит, горячая девочка.

Рекетт был выше ростом и сильнее, но Харви здорово отделал его, подбил ему глаз, хотя бил, по сути дела, одной рукой. Его приятели перепугались. Да и он тоже – до этого он пальцем никого не тронул. Он ДЕЙСТВИТЕЛЬНО никогда никого так не бил, как Рекетта.

Не нужно ему было распространяться насчет того, чтó с ним произошло. Он свалял дурака – вообразил, что они смогут что-нибудь понять. Они глупы и всегда такими останутся.

Их не интересует, что такое жизнь.

Мысли его, как всегда, вернулись к несчастному случаю. Он опять прокручивал в памяти все мельчайшие подробности.

Машина унылого зеленого цвета и женщина за рулем, он видит ее через лобовое стекло: она только что сделала прическу в парикмахерской, она курит сигарету. Он почувствовал удар, увидел, как приблизилось лицо женщины, лобовое стекло взорвалось блестящими бриллиантовыми искрами, он наблюдал, как летит, словно тень, его тело. Как миссис Мэтти, жена заведующего пансионом, выбегает из парадной двери, спотыкается и падает. Доктор в голубом блейзере опустился перед ним на колени, повернулся к миссис Мэтти.

Потом Харви увидел мать, идущую ему навстречу, с разлетающимися светлыми волосами, улыбающуюся. Темные тени, ледяные руки, отталкивающие его прочь…

В этот день Харви вызвали в кабинет заведующего пансионом. Мистер Мэтти был веселым человеком с длинным носом, морщинистым лбом и постоянно удивленным, но дружелюбным выражением лица. Несколько прядок лежали на его лысом черепе, как сети рыбака, выставленные для просушки. Когда он говорил, то засовывал большие руки в карманы твидового пиджака, отчего одно плечо казалось выше другого. Он сказал Харви: очень жаль, что с ним произошло несчастье, но он надеется, что Харви не воспользуется этим как предлогом

для оправдания, если ему не удастся получить хорошие оценки на экзаменах, что, по мнению мистера Мэтти – а с ним, естественно, согласны мистер Стиппл и остальные учителя, – скорее всего, произойдет.

Выпускные экзамены начинались через неделю.

Харви сдавал физику, химию и биологию. Чтобы поступить в колледж Королевской больницы, ему нужно было как минимум получить одну высшую оценку и две хороших.

Свет в дортуаре померк, как будто луну заслонило проплывающее облако. Ему заложило уши, наступила глухая тишина.

Потом – ощущение, что он парит в воздухе.

Окно скользнуло куда-то вниз, как дверь шахты лифта. Он видел внизу очертания спящих. Своих товарищей по дортуару.

Себя самого.

Харви смотрел на них как зачарованный; затем что-то стало давить ему на спину. Потолок. На мгновение он подумал, что потолок опускается, но тут же, недоумевая, осознал, что парит под потолком.

Его тело неподвижно лежало внизу, и неожиданно он испугался.

Мертв.

На этот раз он действительно умер.

Он подумал об Энджи. Вспомнил, как глумился Хорстед: «Рекетт трахал ее…»

Мертв.

Харви увидел, как вздымается и опускается его одеяло. Рот его слегка двигался, губы дрожали. Он находился под потолком в подвешенном состоянии и хотел вернуться назад в свое тело. Его охватила паника. Он попытался проснуться, но не смог. Он оглядел дортуар, ища помощи. Уоллс-младший, Дейкр, Пауэлл, Хорстед, Смит – все спали.

«Это – сон», – подумал он.

Просто странный сон. Харви попробовал снизиться к своему телу. Но вместо этого поплыл через дортуар. Он пролетел над Уоллсом-младшим, тот спал на спине с открытым ртом, руки его были аккуратно сложены поверх простыни, как у маленькой зверюшки – сони.

Приближалась стена, быстро надвигаясь на него, он протянул руки, пытаясь от нее оттолкнуться.

Руки исчезли в стене.

Потом вошло в стену и его лицо, его затянуло, будто магнитом. Стена больше не была твердой. Он видел миллионы частиц, которые распадались перед ним, они казались мягкими, как шелк, он их не ощущал.

«Дух, – подумал Харви. – Я – дух. Астральное тело».

Он прошел через слои штукатурки, потом – кирпичей, потом еще штукатурки и оказался в следующем дортуаре. Под ним был Рекетт, с открытым ртом и подбитым глазом. Харви прошел через стену и попал в ванную комнату. Он подплыл к зеркалу, которое, как маленькое озерцо, блестело в лунном свете, и посмотрел в него, ища свое отражение.

Ничего.

Он подвинулся ближе. Все равно ничего. Он прошел через слой чистого стекла, потом через отражающий слой, затем через стену и оказался на лестнице. Было темно, но он все хорошо видел. Незнакомая лестница, закрытые двери, узорчатые бумажные обои, подставка для цветочных горшков, на стенах картинки с изображением цветов. Он понял, что находится в личных апартаментах мистера и миссис Мэтти.

Харви остановился перед панельной дверью, затем подплыл к ней. Прохождение сквозь нее было похоже на то, будто смотришь в микроскоп. Он видел слои краски – пять белой и один зеленой, под ними – волокна древесины, пряди волокон раздвигались перед ним, как завитки

морских водорослей под шноркелем, и он беззвучно проплыл через них в большую спальню с окнами, задернутыми шторами.

Харви почувствовал, что упирается спиной в потолок, это уравновесило его и дало точку опоры. Под ним в постели лежали две фигуры. Он ухмыльнулся и чуть было не захихикал вслух. Мистер Мэтти, заведующий пансионом, спал на спине, его храп эхом отдавался в тишине комнаты. Миссис Мэтти – ее волосы были упрятаны под сетку – лежала, уткнувшись головой в руки, как будто уснула, читая свои молитвы. На столике рядом лежала книга «Сыновья и любовники» Лоуренса.

Неожиданно храп прекратился, мистер Мэтти заворочался и открыл глаза. Харви задергался с перепугу, опасаясь, что его заметят или разбудят, обнаружится, что он здесь – словно какой-нибудь лунатик. Но глаза владельца пансиона закрылись.

Харви снова проплыл через стену на лестницу и остановился под потолком, чтобы отдохнуть, но вдруг осознал, что отдыха-то ему и не требуется. Казалось, он мог оставаться в подвешенном состоянии на любой высоте, совершенно без всяких усилий.

Он развернулся, прошел через другую стену – краска, штукатурка, кирпичи легко расступались перед ним – и оказался снаружи, над кустом рододендрона рядом с парадной дверью. Он видел припаркованный внизу «дормобиль» мистера Мэтти, свет и тени от уличных фонарей на тротуаре. Где-то дрались два кота.

Харви испугался.

И тогда он приказал себе расслабиться, наслаждаться этим сном.

Просто сном.

Он поплыл вниз по улице в направлении главного корпуса школы. Его целью была учительская. Школа представляла собой внушительное здание с аркой для проезда экипажей посередине, похожей на ворота. Учительская располагалась прямо над аркой. Мальчиков туда не допускали, о том, что там внутри, ходили разные слухи, но никто ничего не знал наверняка, а учителя, когда их спрашивали, только вежливо улыбались, храня свой маленький секрет.

Через окно на верхнем этаже лился свет. Харви поплыл на него и прошел через стекло и решетку. Комната оказалась на удивление скучной. В середине – длинный стол со старыми кожаными стульями вокруг него, группки кресел и кофейных столиков, смешение разных стилей и времен, в основном с дешевой распродажи. В комнате он увидел двоих – мистера Стиппла и мистера Данктона, учителя физики. Они сидели в креслах рядом друг с другом.

Мистер Стиппл наклонился вперед, отпивая из чашки кофе и куря сигарету. Мистер Данктон, дородный вдовец лет шестидесяти, понурив голову, баюкал в руках кружку пива, его три подбородка гармошкой наползали друг на друга. У него был глубокий, напыщенный голос.

– В этом году вы снова возглавляете экзаменационную комиссию?

– Да, – ответил мистер Стиппл.

– Экзаменационные задания по физике уже прислали?

– Да.

– А-а… – Мистер Данктон встряхнул пивную кружку, собирая последние капли, потом осушил ее одним глотком и встал. – Ну, на ночь хватит. – Он неуверенными шагами пересек комнату и поставил кружку на стойку бара, заваленную пустыми стаканами и полными пепельницами. – Вы не видели рекомендаций к практическим экзаменационным заданиям? Их присылают вместе с бумагами или отдельно?

– Боюсь, я даже не взглянул.

Мистер Данктон замялся у дверей:

– Ну, спешки никакой нет. Просто у меня всегда не хватает времени как следует подготовиться. Если бы вы могли дать их мне заранее…

– Я сейчас же их разыщу и передам вам утром.

– Очень любезно с вашей стороны, спасибо. Вы запрете дверь?

Мистер Данктон вышел и прикрыл за собой дверь.

Мистер Стиппл докурил сигарету, выпил кофе и поднялся. Харви проследовал за ним в маленькую прихожую, затем по короткому темному коридорчику. В конце его была тяжелая дубовая дверь: учитель биологии открыл ее, за ней оказался высокий старомодный металлический сейф. Он отпер его, вынул оттуда несколько больших толстых конвертов из оберточной бумаги и положил на пол. Напечатанный на машинке адрес на одном из них гласил: «Директору школы Уэсли», перед адресом аккуратным почерком была сделана приписка: «ХИМИЯ-1».

Мистер Стиппл украдкой оглянулся через плечо, запустил руку в конверт и вынул сложенный листок с машинописным текстом. Харви легко мог читать через его плечо. Он почувствовал острое возбуждение, опасаясь, что мистер Стиппл взглянет наверх и заметит его.

Экзаменационная комиссия Оксфорда и Кембриджа
ЭКЗАМЕН НА АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ
Продвинутый уровень ХИМИЯ-1
Понедельник, 3 июля 1967 года, 2 ч. 45 мин.
Ответьте на шесть вопросов.
Пишите только на одной стороне листа.

Харви начал читать вопросы:

1. Что означают термины: «атомное число», «атомный вес» и «изотопы»?

2. Опишите кратко получение метилцианида (ацетонитрила) из: а) метанола, б) этанола.

Учитель биологии тоже их читал, кивая сам себе и понимая, что делать этого ему бы не следовало, поэтому-то он и оглядывался. Он добрался до конца первой страницы, где жирным текстом было напечатано: «См. на обороте», и перевернул ее. Харви увидел страницы номер два и три. Ну и галлюцинация! – позволил он себе улыбнуться.

Мистер Стиппл сложил листки и снова сунул их в конверт. Затем по очереди открыл другие экзаменационные работы – по химии, физике и биологии – и просмотрел их. Харви изо всех сил старался запомнить вопросы. К своему удивлению, он с легкостью мог все повторить, как будто сфотографировал их в своей памяти.

«Напрасная трата времени, – подумал он, – запоминать вопросы, которых не существует».

Он прочел последнюю контрольную. Темнело, читать становилось все труднее, и неожиданно Харви испугался. За ним что-то было – мрачное, угрожающее, оно загораживало ему путь.

Он попытался отклониться в сторону, но это что-то все приближалось. Он скользнул вбок, но проходить через стену ему не пришлось – его туда засосало, будто чернила промокашкой. Через слои краски и штукатурки он прошел до плотного камня. Становилось все темнее. Нечто угрожающее все еще следовало за ним.

И затем его схватили руки. Длинные руки. Он ясно их чувствовал. Все ощущения вернулись к нему. Вокруг дули холодные ветры. Руки крепко держали его, ему пришлось бороться, чтобы освободиться из этой хватки. Он услышал голос матери, она словно шептала ему на ухо:

– Дорогой, Господь тобой очень недоволен.

Темные тени отталкивали его.

– Ты ей не нужен, – сказал чей-то хриплый голос.

– Она больше никогда не желает тебя видеть, – произнес другой.

Харви обуял ужас. Молекулы вокруг него становились более тяжелыми, более липкими, они будто пытались удержать его, не дать ему вырваться наружу. Будто хотели, чтобы он навсегда остался в этой каменной стене.

Харви закричал.

Холодно, как холодно.

Он снова закричал, потом еще раз.

– Харви, заткнись!

– Ради бога, Харви!

Кто-то что-то проворчал. Вспыхнул свет. Над ним стояла чья-то фигура. Дейкр в полосатой пижаме. По лицу Харви струился холодный пот, он тек по шее, по груди, по всему телу. Харви был мокрый как мышь.

– Все в порядке, Харви? – спросил Дейкр.

– Сон, – прошептал Харви. – Ночной кошмар.

Заскрипели кроватные пружины.

– Зачем включили этот чертов свет? – возмутился кто-то.

– Все в порядке? – еще раз спросил Дейкр.

Харви не ответил. Он размышлял, пытаясь снова погрузиться в сон. В его голове проносились страницы экзаменационных заданий. Ясно, как наяву:

«Расскажите закон преломления света и определите коэффициент преломления».

«Два различия и два сходства в химическом строении углерода и кремния».

«Что такое „переносимая радиация“?»

«Расскажите об адаптации рта и ножек у известных вам насекомых».

– Порядок, Харви? – снова спросил Дейкр, более настойчиво. – Ну ты и кричал. Что тебе приснилось?

– Угу, все в порядке, – ответил Харви, стараясь сконцентрироваться на том, что прокручивалось у него в мозгу: вопросы по физике, химии, биологии.

Он подождал, пока его приятели по дортуару снова не заснули, и выбрался из постели, надел шлепанцы, вышел в темный коридор и направился к крошечному кабинетику, который он разделял с Дейкром.

Харви рывком распахнул дверь, вошел и закрыл ее за собой, аккуратно разложил полотенце, чтобы из щели под дверью не пробивался свет, потом включил настольную лампу, сел за стол и записал вопросы.

9

Понедельник, 22 октября

К половине третьего пополудни репортеры, собравшиеся за оградой кладбища, за отсутствием фактов стали высказывать всякие домыслы. Кто-то бросил: доверенный человек в полиции рассказал, что покойница, Салли Дональдсон, была убита собственным мужем – отравлена. Все дело в страховке.

Кэт сунула руки поглубже в карманы и плотнее запахнула плащ, завидуя Эдди Биксу, его теплому, сухому гнездышку, выходящему на кладбище. Муж Салли Дональдсон еще не появился из-за ширмы. Просочился слух, что он находится там, и теперь вся орава поджидала его.

Утренний дождь прекратился, ветер переменился на северо-восточный и стал еще холоднее, темные осенние тучи закрывали солнечный свет, льющийся с небес. Кэт выкроила двадцать минут и наскоро перекусила в пабе внизу по дороге, второпях проглотив густой острый суп с пряностями, от которого у нее до сих пор горело нёбо, и хилый салат с ветчиной, которым так и не удалось заглушить голод.

Вдоль дороги стояли машины, принадлежавшие в основном репортерам, и закрытый фургон, ощетинившийся антеннами, – «Радио Суссекс». В воздухе витал слабый запах пива, носились облачка сигаретного дыма. День был спокойный – без особых новостей, и репортеры слонялись вокруг, поджидая хоть каких-нибудь сообщений.

– У меня была тетка, которую объявили умершей, а она совсем и не умерла, – сообщил Родни Спарроу из «Мид-Суссекс таймс».

Кэт не понимала, когда он шутит, а когда говорит правду.

– Ее отправили в морг для посмертного вскрытия. Когда патологоанатом сделал первый надрез, она села, схватила его за горло и спросила, что, черт побери, он делает. Честно!

– Гипотермия, – сказал другой журналист – Кэт его не знала, – огромный, как вышибала в ночном клубе, со шрамом на лице и сильным акцентом жителя штата Джорджия. – Один врач говорил мне, что гипотермия может замедлять пульс до одного удара в минуту, и, когда констатируют смерть, такой пульс легко не заметить.

– Это часто случалось во время войны, людей хоронили заживо, – прохрипел Гарри Оукс, толстый как бочка репортер «Истбурн газетт». – Раненых солдат. Их товарищи торопились и не всегда замечали, что кое-кто еще дышит. Если нет медицинской подготовки, не так-то просто это определить. Я был в Арнеме, когда в пятьдесят втором откопали несколько могил времен войны. Это было ужасно. По крайней мере полдюжины скелетов лежали скрючившись, а на внутренней поверхности гробовых крышек были царапины. Бедные парни!

– Кто-то мне говорил, такое случается и в жарких странах, – сказал Шон Хьюит из газеты «Ивнинг Аргус». – Там, где по закону положено хоронить в течение двух суток. Надо думать, многие переворачиваются в своих гробах.

– А долго можно оставаться в живых, если похоронили заживо? – спросила Кэт, поморщившись от ужаса.

– Не дольше двух часов, – сказал Родни Спарроу. – В гробу не так уж много воздуха.

– Чепуха, – заметил вышибала. – Можно прожить несколько дней.

– В гробу чертовски тесно, – продолжал Спарроу. – Сработает закон вытеснения объемов. Сравните с законом о сообщающихся сосудах.

– Да, но если поворачиваться, возможно, крышка гроба немного сдвинется и откроется доступ воздуху.

– Их забивают довольно прочно, – заметил Шон Хьюит. – Учтите это, да еще вес земли сверху.

– Их не забивают, их завинчивают шурупами.

– Все равно вы умрете от дегидратации, даже если у вас будет воздух, – настаивал Спарроу. Он кивнул в сторону кладбища. – Сколько времени она пробыла под землей?

– С прошлого вторника, с полудня. Около семи дней.

– Ну, тогда шансов никаких, не так ли? Даже если она и была жива.

– Кто-то слышал стук этим утром.

– Неужели? И кто же?

Шон Хьюит показал на коттеджи через дорогу:

– Женщина из номера двенадцать.

– Она малость того, – заметил Джим Барнхоуп из «Вест-Суссекс газетт». – Кэт с ней уже побеседовала.

– Я тоже, – сказал Гейн Коэн с «Радио Суссекс». – У нее шарики за ролики зашли.

– Вот что я вам скажу, – хрипло произнес Гарри Оукс, не выпуская изо рта сигареты. – После того, что я тут насмотрелся и наслушался, пусть меня лучше кремируют, не хочу, как эти парни из Арнема, обламывать ногти о крышку гроба.

Он подмигнул Кэт. Она смело улыбнулась ему в ответ.

– Ничего не могу сказать насчет кремации, – вступил в разговор Джим Барнхоуп. – Но представьте – очнуться в гробу, зная, что тебя отправляют прямиком в печь! Чувствовать жар огня. Языки пламени проникают через гроб и лижут твое тело. Нет, пусть лучше из меня сделают мумию, да-да, бальзамирование куда лучше – если к тому моменту, когда начнут бальзамировать, ты еще жив, то, когда это все закончится, наверняка будешь мертв.

– Вскрытие дает точно такой же эффект.

Гарри Оукс посмотрел на Кэт:

– Вы собираетесь тут оставаться все время?

Она пожала плечами:

– Не знаю.

– Мне нужно смотаться в Истбурн. Собрание правления. Возьму вашу тачку?

– Ладно.

– Не возражаете, если я позвоню попозже – узнать, как тут идут дела?

– Конечно, – произнесла Кэт сквозь зубы, зная, что, вероятно, он проведет весь вечер, задрав ноги перед телевизором, и заработает свои деньги на ее репортаже – или на том, что она разрешит ему взять из него. Но с другой стороны, он был знающим репортером и не раз давал ей хорошие советы. А кроме того, его газета ей всегда платила, если он пользовался ее информацией.

– Я брал интервью у одного чокнутого, который разговаривает с духами, – сказал Шон Хьюит. – Он считает, что духи умерших бродят вокруг до самых похорон.

– Какой, ты говоришь, номер дома у той женщины, что слышала стуки? – спросил Джим Барнхоуп у Кэт.

– Двенадцатый, – ответила она.

– Благодарю. – Голос его упал до шепота. – Я слышал, принцесса Ди может быть в Уортинге в субботу, какая-то ее школьная подруга выходит замуж. Она старается сохранить это в секрете… – Он почесал нос.

– Спасибо, – поблагодарила Кэт.

Барнхоуп подмигнул и не спеша направился через дорогу. Кэт с улыбкой смотрела ему вслед – интересно, что он выудит у этой тронутой.

– Ба! Неужели милашка Кэт?

Кто-то дружески похлопал Кэт по плечу, и она обернулась. Это был репортер, с которым она работала в свою первую неделю в «Ньюс», потом он перешел в «Дейли мейл», – Патрик Донахью.

– Патрик! Что ты тут делаешь?

– Околачивался неподалеку и услышал кое-что интересное. Есть новости?

– Пока нет. Но могут появиться.

Патрик был дюймов на пять выше Кэт – пожалуй, его рост достигал пяти футов восьми дюймов. Короткие каштановые волосы, растрепанные дождем и ветром, распались на прямой пробор, и влажные, слегка вьющиеся пряди красиво обрамляли лоб.

Тридцати лет от роду, крепкий и жилистый, с несколькими рябинками от оспы, которой он переболел в детстве, Патрик имел вид человека, прошедшего бури и шквалы, но не ожесточившегося – в цепких зеленых глазах, выдававших его ирландское происхождение, часто плясали искорки смеха. На нем было поношенное пальто, похожее на шинель, поверх такого же видавшего виды твидового пиджака и полосатого синего свитера, вельветовые брюки и стоптанные грубые башмаки. В руке – мобильный телефон. Он напоминал скорее демобилизованного солдата, чем газетного репортера.

В ту первую неделю Патрик опекал Кэт, даже отложил какие-то дела, чтобы помочь ей, с тех пор она сталкивалась с ним пару раз: в зале суда, когда вела репортаж, и на партийной конференции премьер-министра. В Патрике ощущался бунтарский дух и вместе с тем озорная детскость. Это сочетание задевало тайные струны ее души. Кэт тянуло к этому человеку. Сейчас он показался ей еще привлекательнее, чем когда она видела его в последний раз.

Послышалась резкая трель, и Патрик приложил телефонную трубку к уху.

– Донахью, – сказал он, прикрывая свободной рукой другое ухо, и стал вертеться, пытаясь улучшить слышимость. – Забери меня приблизительно через час, – продолжал он. – Если я поеду сейчас… Нет, не настолько. – Он внимательно посмотрел на Кэт. – Да, возможно, удастся что-нибудь разузнать. Верно, Джон Пасмор еще не вернулся с обеда? Нет, все в порядке. Я поговорю с ним позже. – Он нажал кнопку отбоя и опустил телефон. – Труба зовет.

Кэт, немного разочарованная, подняла брови, поддразнивая его.

– Предлагают что-нибудь получше?

Патрик слегка откинул голову.

– «Есть многое на свете, друг Горацио»[5], а не одни мокрые кладбища.

– Особенно если на этих кладбищах торчит за тебя кто-нибудь другой?

– Естественно, к этому-то я и клоню. Не дашь ли знать, если обнаружится что-нибудь стоящее?

– Мне придется быть поосторожнее, – сказала она. – В газете подняли шумиху насчет утечки информации.

– Не беспокойся об этом. Обычная сделка. Это хорошие деньги.

Кэт улыбнулась:

– Конечно.

– Это поможет тебе завоевать известность в Лондоне. Ты же не хочешь всю жизнь носиться, как пожарная лошадь, по Суссексу?

– Ведь можно носиться, как пожарная лошадь, и по Лондону.

– Ну, там пожаров побольше. – Патрик усмехнулся. – Позвони мне, если тут что-нибудь произойдет.

– А как насчет того лучшего репортажа, на который ты отправляешься?

– Это за пределами Суссекса. На юге Лондона.

---

[5] Цитируется «Гамлет» У. Шекспира.

– Так! – воскликнула Кэт негодующе. – Мы тут не в деревне. Мне разрешается делать репортажи из Южного Лондона, если новость того стоит.

– Да ничего такого, просто кошка застряла на крыше. – Патрик подмигнул и был таков.

Кэт зашла в церковь, чтобы укрыться от холода и дождя.

Церковный служитель протирал потиры для причастия. Это был человек лет семидесяти, с поредевшими волосами. Когда-то, по-видимому, очень полный, он теперь сильно усох и съежился.

Он был рад поговорить. Да-да, он полагает, что слышал что-то вроде ударов вечером во вторник, после похорон Салли Дональдсон, но ничего никому не сказал, пока через несколько дней ему не стало известно, что и другие тоже что-то слышали. Он знал Салли всю ее жизнь и вкратце рассказал Кэт ее биографию, назвал имена некоторых ее родственников и даже дал несколько адресов.

Когда Кэт вернулась к ораве репортеров, неожиданно пронесся оживленный шепоток – подкатил синий «воксхолл», из которого выбрался Деннис Фолк, представитель полиции по связям с общественностью. Не успел он прикрыть дверцу машины, как репортеры бросились к нему, словно мотыльки на огонь. У Фолка был довольно лукавый взгляд и редкие прилизанные волосы, новенький синий макинтош плотно облегал его плечи. Деннис Фолк картинно вытянул руку вперед.

– Все в норме, – сказал он и вынул из кармана пиджака свернутый лист бумаги. – У меня есть заявление.

Сам бывший репортер, он был знаком с большинством журналистов. Фолк стал зачитывать с листа:

– «В связи с сообщением об относительно необычных стуках, доносившихся из могилы покойной, а также на основании запроса мужа покойной коронер Восточного Суссекса, доктор Стэнли Гибсон, дал разрешение на эксгумацию останков миссис Салли Дональдсон, погребенной 16 октября сего года. В соответствии с параграфом двадцать пятым Акта о погребении от 1857 года Министерство внутренних дел выдало лицензию на эксгумацию, которая будет проведена после наступления темноты сегодня вечером, в понедельник, 22 октября, и до завтрашнего рассвета – во вторник, 23 октября». – Он сложил листок и запихнул его в карман.

Последовало короткое молчание. Полицейская машина съехала с холма и припарковалась напротив.

– Вы не могли бы пояснить нам, почему эксгумация будет проводиться после наступления темноты, мистер Фолк? – спросила Кэт.

Фолк одарил девушку ласковой, покровительственной улыбкой, которая привела ее в бешенство. Казалось, он упивался своей осведомленностью.

– Все эксгумации в нашей стране проводятся после наступления темноты, чтобы сохранить секретность и свести до минимума неприятное впечатление.

– Но, мистер Фолк, из могилы слышались звуки. Разве это не говорит о том, что дело не терпит отлагательств? Почему нельзя начать раскапывать могилу сразу же, если есть хоть малейшая надежда, что погребенная еще жива?

– Насколько я понимаю, коронер изучил медицинское заключение, выслушал свидетелей и пришел к соответствующим выводам. По его мнению, нет никаких доказательств, свидетельствующих о преждевременном захоронении, и, конечно, никакой надежды, что миссис Салли Дональдсон до сих пор жива.

– Пресса будет допущена? – спросил Джим Барнхоуп.

Фолк скрестил руки за спиной, выставил свою цыплячью грудь и слегка отклонился назад, раскачиваясь на каблуках.

– С наступлением темноты кладбище будет закрыто для посторонних, а прессу попросят не фотографировать то, что будет происходить за ширмой.

– Мистер Фолк, – почтительно произнес Родни Спарроу, – мы располагаем информацией, что мистер Кевин Дональдсон, супруг покойной, в данный момент находится на кладбище. Нам хотелось бы услышать его комментарии.

– Мистер Дональдсон находится в состоянии сильного эмоционального стресса. Он дал понять, что в настоящее время не желает ни с кем разговаривать.

Показалась машина – «вольво» белого цвета, за ней – зеленый фургон. Двое угрюмых мужчин в черных костюмах вышли из «вольво», их лица застыли, как гипсовые маски. Из фургона выбрались трое мужчин в комбинезонах, открыли заднюю дверь и начали выгружать тяжелые пластиковые мешки.

Рой Пиннер из «Лидера» наклонился к Кэт:

– Негашеная известь. В могилах полно микробов. Если заразиться от разлагающегося трупа, умрешь за одну минуту. Самая заразная вещь в мире.

– Мистер Фолк, так почему все-таки не допускают прессу? – спросил кто-то.

– Обычные правила, по причине гигиены и из соображений сохранения информации частного характера.

– Не могли бы вы сказать нам, кто будет допущен?

– Только могильщики, похоронное бюро, близкие родственники, представитель коронера и служащий санитарно-эпидемиологической службы.

Люди в комбинезонах выгрузили из фургона большой продолговатый, сбитый из досок ящик и потащили его на кладбище. Кэт смотрела как завороженная.

Фотоотдел «Ивнинг ньюс» проверил свои архивы и обнаружил свадебную информацию этой пары. Кэт ее еще не видела. Интересно, как выглядела Салли Дональдсон. На мгновение Кэт попыталась представить живую девушку в тесном темном ящике под землей за ширмой. Как же узнать, что там происходит? Кэт снова стала смотреть в сторону кладбища. Нет, не может быть, чтобы она была жива. Господи, только не это!

Мужчины в комбинезонах вернулись и унесли за зеленую ширму мешки с негашеной известью. Кэт поняла: ее репортаж теперь там, за ширмой. Именно там и драма, и чувства, и возможный кошмар. За ширмой откопают гроб и откроют крышку.

Кэт выскользнула из толпы журналистов, которые продолжали забрасывать Фолка вопросами, обошла их сзади и взяла ключи от служебного «форда» у Эдди Бикса, который все еще оставался на своем посту в задней комнате с видом на кладбище. Потом быстро спустилась к дороге, села в машину, включила телефон и порылась в его памяти, выискивая нужный номер. Затем позвонила по указанному номеру.

Через несколько минут ее соединили с абонентом. Резкий голос произнес:

– Санитарно-эпидемиологическая служба.

– Мне бы хотелось поговорить с Барри Ливерстоком.

Щелчок, продолжительное молчание. Мобильный телефон барахлил, на линии появились помехи, он отключился, включился, снова помехи. Секретарша удостоверилась, что Кэт на линии, затем послышался голос заместителя директора санитарно-эпидемиологической службы, медлительный и печальный.

– Ливерсток, – произнес он.

– Мистер Ливерсток, это Кэт Хемингуэй из «Ивнинг ньюс».

– О, это вы? Как поживаете? – Голос заместителя директора санитарно-эпидемиологической службы поднялся на несколько делений по шкале энтузиазма.

Кэт ясно представила его: самодовольный мыльный пузырь, пижон с редкими шелковистыми светлыми кудрями и похотливой улыбочкой, с широким и вульгарным обручальным кольцом. Однажды он наклонился к ней через свой огромный, как море, стол и предложил пообедать вместе. Она не приняла предложения, но и не отказала – предпочла держать двери открытыми.

– Прекрасно, спасибо, – сказала Кэт. – Вам понравилась статья о борьбе с загрязнением окружающей среды, вызываемым транспортом? О вашей компании? «За глоток свежего воздуха в Брайтоне».

– Статья великолепная. Я, признаться, и не думал, что вы отведете нам столько места.

– Я убедила своего редактора, что это действительно важно, – солгала Кэт. Ее первое интервью для «Суссекс ивнинг ньюс» пошло только потому, что в последний момент с пятой полосы была изъята статья, из-за которой газете грозило обвинение в клевете. – Вот почему я и звоню. Вы говорили, что при любой возможности готовы оказать мне услугу.

– Да-а? – протянул Ливерсток медленно, явно сомневаясь в ее заявлении.

– Всего лишь маленькое одолжение.

Последовало неловкое молчание.

– Возможно, я смогу написать еще одну статью, – продолжала Кэт.

Ливерсток не клюнул. Она почувствовала возникшую на другом конце трубки неожиданную холодность и обругала себя за то, что решила договариваться по телефону. Нужно было поехать и увидеться с ним лично.

– Вы еще долго пробудете в своем офисе?

– В четыре у меня встреча.

– Я могу подъехать через двадцать минут.

– Думаю, что это мне подойдет, – сдержанно произнес он.

Офис Барри Ливерстока совершенно не вязался с обликом того серого административного здания, в котором он располагался. Он был большой и просторный, с видом на пирс Палас и море, устланный коврами василькового цвета. Мебель из тикового дерева, перед щегольским письменным столом – маленький столик для совещаний. На стенах – фотографии борзых собак, а над полкой с книгами – ряд серебряных кубков и значков. На столе стояли фотографии в кожаных рамках – симпатичная женщина с двумя маленькими девочками, пара серебряных пресс-папье в форме борзых.

Когда секретарша ввела Кэт в кабинет, Барри Ливерсток встал. Кэт привела себя в порядок в туалетной комнате внизу, расстегнула верхнюю пуговку на блузке и, садясь на мягкий стул перед письменным столом, задрала юбку, насколько у нее хватило смелости.

Барри Ливерсток, в белой рубашке и кричащем галстуке, откинулся на спинку стула. Сверкнули запонки с фальшивыми бриллиантами. На запястье заместителя директора болтался золотой браслет. Барри, как показалось Кэт, еще больше раздался вширь, лицо стало совсем рыхлым.

– Чем могу быть полезен? – Он ощупал ее взглядом, словно она была шлюхой, выставленной на обозрение, и уставился в разрез ее блузки.

Кэт почувствовала смущение от своего дешевого маскарада.

– Мне требуется работа.

Барри Ливерсток нахмурился:

– Прокол с газетой?

– С газетой у меня все великолепно. – Она выдавила из себя улыбку. – Мне нужно что-нибудь временное. Я… – Она помолчала. – Хочу поработать на вас в течение следующих двадцати четырех часов.

Он продолжал раздевать ее взглядом.

– Поработать на меня?

– Я хочу, чтобы вы наняли меня в свой департамент на… одни сутки. – Она отвела глаза, посмотрела в окно, потом снова на него.

– Хотите кого-то выследить? – Он не отрываясь смотрел на ее ноги.

– За сутки-то?

– Тогда зачем?

– Мне нужна идентификационная карта или письмо, удостоверяющее, что я у вас работаю.

Он почесал подбородок.

– И чего вы хотите?

Кэт повела плечами, и блузка распахнулась еще глубже.

– На этот вечер назначена эксгумация трупа. Я хочу там присутствовать.

– Салли Дональдсон? – Он вытащил пачку сигарет «Ротманс» и зажигалку из нагрудного кармана рубашки. – Так быстро это не делается. У нас очень строгие правила. Мне придется пустить дело по инстанциям – это займет несколько дней.

Кэт откинула волосы назад намеренно беззаботным жестом.

– О, я думала, что у вас есть власть, что вы можете все устроить.

Она пожала плечами, и лицо ее слегка порозовело.

– Могу, – раздраженно сказал Барри Ливерсток. Его взгляд снова спустился к ее ногам, потом поднялся к ее лицу, снова к ногам и снова вверх. Он ухмыльнулся самодовольно и понимающе. – Что я буду с этого иметь?

– Возможно, интервью.

– А как насчет обеда?

Их взгляды встретились. Кэт почувствовала себя обманщицей.

– Надеюсь, я смогу что-нибудь устроить, – сказала она, одаривая его более обещающей улыбкой, чем намеревалась.

Он поднял телефонную трубку, набрал номер и откинулся на стуле.

– Бренда, кто сегодня присутствует на эксгумации? Джудит Пикфорд? Соедините меня с ней, ладно? – Он прикурил сигарету. – Джудит, у меня тут… – он поколебался, – писательница, которой нужно узнать процедуру эксгумации. Не возьмете ли ее с собой сегодня вечером? – Он глубоко затянулся и выпустил дым к потолку. – Нет-нет, не беспокойтесь. Я дам письмо, в котором будет указано, что она с вами. Не думаю, что кого-нибудь это слишком заинтересует.

Барри Ливерсток повесил трубку, потом нажал кнопку, и Кэт услышала резкий зуммер за дверью. Голос секретарши прокаркал по внутренней связи:

– Алло?

– Вы не могли бы срочно напечатать для меня письмо? – сказал Ливерсток, подмигивая Кэт.

10

Харви Суайр присоединился к ребятам, идущим в школьный зал. Они были одеты либо в блейзеры, либо в форменные школьные пиджаки в елочку и серые фланелевые брюки. Цветная полоса на черных галстуках и того же цвета конец галстука указывали на разные пансионы. Утреннее солнце пекло вовсю, – похоже, день будет жарким.

Харви почистил ботинки и положил в карман свежий носовой платок. Все выглядели более аккуратными, чем обычно, как будто порядок в одежде мог помочь навести порядок и в голове.

Он стоял рядом с Дейкром. Тошнотворно-сладкий запах «Брута», исходивший от приятеля, не улучшал состояние его желудка. Несмотря на ясное и теплое летнее утро, атмосфера была тягостной. Даже Рекетт притих, – во всяком случае, его развязность была не так заметна.

– Могу поспорить, будет вопрос по гравитации, – сказал кто-то позади Харви.

– Только не по химии.

– Да нет же, господи, очнись. Ты же физику сдаешь, разве не так?

Харви шагнул на последнюю каменную ступеньку и через узкий проход вошел в большой школьный зал, отделанный дубовыми панелями. Зал был заполнен рядами столов, на каждом по два карандаша, чистый лист бумаги и листок с экзаменационными вопросами по химии, перевернутый обратной стороной. Солнечные лучи, вызывая раздражение, проникали через мутные стекла, но, по крайней мере, в помещении было прохладно. В конце зала находилось возвышение, которое использовалось как сцена – для постановки пьес и произнесения речей, а сегодня здесь стоял стол для наблюдения за экзаменующимися, с одиноким стеклянным лабораторным стаканом и открытым графином с водой.

За экзаменующимися следил преподаватель математики, которого Харви почти не знал, – мужчина с большой бородой и мрачным лицом славянского типа. Он оглядывал помещение с видом хищной птицы, охраняющей свое гнездо.

Харви нашел свой стол – теперь это его рабочее место на две недели. На белой карточке, приклеенной скотчем к правому концу стола рядом с отверстием для чернильницы, было напечатано: «Х. Суайр». От новенького стола из светлого дерева исходил унылый запах девственной чистоты. Он поднял карандаши и снова опустил их, слегка изменив положение. «Словно животное, которое метит свою территорию», – подумал он. Вокруг раздавалось шарканье ног и скрип стульев. Стрелки на больших часах на стене показывали девять сорок пять. Учитель сверил свои часы.

Один из карандашей Харви упал на пол. Он наклонился, чтобы подобрать его, и, к своей досаде, увидел, что грифель сломался. Руки его вспотели и начали дрожать, минутная стрелка резким скачком передвинулась к девяти пятидесяти пяти. Учитель смотрел прямо на него.

Харви отвел глаза и увидел, как Дейкр, откинувшись на стуле, нюхает свой указательный палец. Дейкр говорил всем и каждому, что не будет мыть палец до тех пор, пока снова не встретится со своей девушкой, Анастасией. Это была единственная часть его тела, не побрызганная «Брутом».

Вдруг в помещении поднялся шумок: минутная стрелка остановилась на девяти пятидесяти девяти. Харви уставился на чистый лист бумаги и увидел слабую тень черных букв, отпечатанных на обороте, – лист был свернут пополам, и в него было вложено еще пять страниц вопросов.

Он машинально взял карандаш и стал его грызть. А что, если это был просто сон? Через мгновение он узнает об этом. Вопросы все еще горели в его мозгу, он помнил их во всех подробностях, в точном порядке – он их выписал, запомнил и вызубрил ответы. Если окажется,

что это в самом деле те самые вопросы, он натянет нос мистеру Стипплу, мистеру Мэтти и всем остальным.

Голос учителя прервал тишину:

– Можете перевернуть свои экзаменационные задания.

По залу прокатился шелест. Харви перевернул свое задание и ссутулился, едва осмеливаясь взглянуть.

Экзаменационная комиссия Оксфорда и Кембриджа
ЭКЗАМЕН НА АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ
Продвинутый уровень ХИМИЯ-1
Понедельник, 3 июля 1967 года, 2 ч. 45 мин.
Ответьте на шесть вопросов.
Пишите только на одной стороне листа.

1. Что означают термины: «атомное число», «атомный вес» и «изотопы»?

2. Опишите кратко получение метилцианида (ацетонитрила) из: а) метанола, б) этанола.

Харви попытался сдержать улыбку, которая расплывалась по его лицу, как чернильная клякса. Учитель снова посмотрел на него. Харви прочел остальные вопросы, но, добравшись до середины третьего листа, понял: не стоит утруждать себя и читать дальше.

Он знал все вопросы и ответы на них.

11

Понедельник, 22 октября

Было уже начало шестого, и почти стемнело. Кэт Хемингуэй ехала на редакторском «форде» по узкой дороге к церкви Святой Анны вслед за синим «рено» представительницы санитарно-эпидемиологической службы.

По обеим сторонам дороги стояли автомобили, и им пришлось проехать за церковь, чтобы найти место для парковки. Кэт заперла дверцу автомобиля, подняла воротник плаща и надвинула на лоб шапочку от дождя, которую купила заранее, – авось в надвигающейся темноте репортеры ее не узнают. Дул ветер, а непрекращающийся моросящий дождь ухудшал видимость.

– Все в порядке? – спросила Джудит Пикфорд, служащая санитарно-эпидемиологической службы.

Это была спокойная, серьезная женщина лет тридцати пяти, с короткими каштановыми волосами, аккуратно и тепло одетая, с небольшим зонтиком в руках. Кэт понимала, что Джудит не доставляет особой радости ее навязчивое присутствие в качестве неотлучной тени.

Когда они шли по тротуару, Кэт нервничала, чувствовала себя напряженно. Ее прошибал холодный, липкий пот. В кузове массивного грузовика ревел генератор, по тротуару в направлении к кладбищу были протянуты электрические кабели. Вокруг топталась по крайней мере дюжина репортеров: за воротами кладбища были припаркованы два пикапа местной радиостанции и большой пикап телевизионщиков. «Должно быть, этим вечером нигде ничего не происходит», – подумала она. На фоне резкого белого света прожекторов за ширмой церковь казалась погруженной в темные и зловещие тени. Поблизости стояло несколько местных жителей, наблюдая за всей этой суматохой и внося свой вклад в атмосферу нереальности происходящего. Зрелище походило на декорацию для съемок фильма.

Кэт охватили сомнения. Час назад она была уверена, что ей пришла в голову замечательная идея. Теперь это было не так. Неужели ей и впрямь хотелось увидеть то, что находится в гробу?

На некотором расстоянии впереди толпились репортеры, среди которых недавно была и она. Замерзшие и промокшие, они переминались с ноги на ногу под зонтами. Двое распивали кофе из термоса. Пытаясь стать незаметной, Кэт втянула голову в воротник плаща, как черепаха в панцирь. Трое мужчин в защитных полиэтиленовых костюмах, резиновых сапогах и перчатках обошли пикап, припаркованный перед церковью, и направились к воротам.

Кэт и представительница санитарно-эпидемиологической службы последовали за ними. Ее не заметили ни Шон Хьюит из «Аргуса», ни Родни Спарроу из «Мид-Суссекс таймс», уныло жующий батончик «Марс», и неожиданно она почувствовала удовольствие от собственной ловкости.

Кэт сунула руку во внутренний карман и проверила, там ли письмо Барри Ливерстока.

– Похоронная служба, – сказал какой-то человек все тому же унылому полицейскому констеблю.

Констебль кивнул им, разрешая пройти, едва взглянув на пропуск Джудит Пикфорд, и пропустил Кэт, даже не посмотрев на нее.

Когда они шли по кладбищу, один из неудачно установленных прожекторов светил прямо на них, в его луче капли дождя казались металлическими иголками. Ширма из зеленого

полотна была гораздо выше, чем представлялось Кэт вначале, и сейчас отчаянно хлопала на ветру, натягиваясь на крепежных веревках.

Огороженная ширмой площадка была довольно большой – добрых тридцать футов в поперечнике – и напоминала декорацию к кинофильму или постановке – с мокрой зеленой травой, ослепительным светом, льющимся от установленных над головой прожекторов, и двумя рядами могильных плит. Прямоугольный холмик с венком из роз наверху, очевидно, был здесь единственной свежей могилой. Рядом лежало несколько веревок, две лопаты и груда пластиковых мешков с негашеной известью. У края могилы торчал металлический шест с отходящей от него проволокой. Кэт проследила за ней глазами. Проволока тянулась по влажной комковатой земле к мрачной и одинокой фигуре в наушниках – кто-то сидел, закрыв лицо руками, на большой коробке, которую, как видела Кэт, принесли сюда раньше. Муж Салли Дональдсон, решила Кэт.

Представители похоронной службы прошли мимо него и присоединились к небольшой группе людей, которые торопливо что-то обсуждали в углу. Все были в защитных комбинезонах, за исключением женщины лет тридцати, в черном пальто и пушистом шарфе. Она держала в руках зонтик.

Представительница санитарно-эпидемиологической службы направилась к этим людям, назвала себя. Кэт некоторое время смотрела на одинокую фигуру: вокруг хлопала и скрипела ширма, вдалеке ревел генератор. Вдруг мужчина истерически закричал, обращаясь к толпящимся людям:

– Ради бога! Неужели нельзя поторопиться?! Целый день прошел! Господи, ведь уже совсем темно! – Он опустился на колени и стал копать землю голыми руками, проволока от наушников тащилась за ним. – Я больше не могу ждать! Она – там, внизу, черт бы вас всех подрал! – И, повысив голос, он закричал в землю: – Дорогая! Дорогая! Все в порядке, мы вытащим тебя!

Женщина в черном пальто встала рядом с ним на колени и крепко обняла его. Кэт узнала в ней инспектора из службы коронера – она видела ее на каком-то судебном расследовании.

Обращаясь к группе людей, женщина сказала:

– Я думаю, что стемнело достаточно. – И, посмотрев на мужчину рядом с ней, добавила: – Мистер Дональдсон, сейчас они начнут.

Кевин Дональдсон обернулся, и Кэт увидела искаженное страданием лицо, невидящий взгляд.

– Пожалуйста, поторопитесь! О господи, да поспешите! – истерически вскричал он. – Она там, внизу, с прошлого вторника. Вы представляете, каково ей?!

Женщина мягко увлекла его прочь. Двое мужчин убрали зонд, взяли лопаты и начали копать, медленно и угрюмо, без видимой спешки, будто перекапывали сад; к рыданиям мужа добавилось чавканье втыкаемых в сырую землю острых лопат и однообразное шуршание переворачиваемых пластов.

Представительница санитарно-эпидемиологической службы подошла к Кэт и встала рядом. Кэт взглянула на ее ничего не выражающее лицо:

– И на скольких подобных процедурах вы присутствовали?

– На четырех, – ответила женщина.

– Они все были похожи на эту?

– Нет. То были старые могилы, которые переносили на другое место.

Кэт в замешательстве смотрела на убитого горем мужа, не находя нужных слов, потом подняла голову – не видно ли отсюда Эдди Бикса у его окна, но ширма была слишком высокой. Девушка внимательно следила за тем, что происходило вокруг, стараясь запомнить атмосферу этого события.

К ним устало подошел высокий мужчина. Он снял забрызганные дождем очки и, сощурившись, посмотрел сначала на Кэт, потом на Джудит Пикфорд; кожа вокруг его глаз была мягкой и белой, – очевидно, он носил очки уже много лет. Голос у него был тихий и учтивый.

– Я – Рег Бертон, главный управляющий похоронного бюро «Долби и сын». Вы – родственники… э-э… усопшей?

– Я из санитарно-эпидемиологической службы, – сказала Джудит Пикфорд. – Эта дама – со мной.

– Вы тоже работаете в СЭС? – спросил он Кэт.

– Да, временно.

«Надеюсь, он не заметил, что я покраснела», – подумала Кэт.

– Вы американка?

– Да, я родилась в Америке.

– Где именно?

– В Бостоне.

– Я был там однажды. Красивый город. Газовые фонари на холме.

– И гавань, полная чая[6].

Мужчина улыбнулся:

– Простите, я не совсем расслышал ваше имя.

Кэт почувствовала растущую неловкость.

– Кэт, – сказала она, не сообщив фамилии, в надежде, что Рег Бертон прекратит расспросы.

– Вы долго исследовали могилу на предмет исходящих из нее звуков? – спросила Джудит Пикфорд.

– К сожалению, этот минерский зонд прибыл только сегодня утром. Нам пообещали лазерный сканер, но его не оказалось. – Рег Бертон понизил голос настолько, чтобы Кевин Дональдсон не мог его расслышать. – Если честно, я не думаю, что мы что-нибудь обнаружим, все это настолько из ряда вон… Если хотите знать, викарию еще придется за это ответить.

– А где же он сам?

– Я сказал ему, что мы его позовем, когда вынут гроб.

Рег Бертон побрел назад к группе и что-то сказал. Кэт увидела, как некоторые повернули голову в их сторону. Казалось, что дождь усилился, ветер пронизывал ее одежду насквозь, изо рта шел пар. Она обняла себя руками, размышляя, долго ли все это продлится, при этом она не спускала внимательных глаз с Кевина Дональдсона, выжидая подходящего случая, чтобы заговорить с ним, добыть хорошую цитату, которую можно будет использовать позднее. В ней боролись противоречивые чувства – они заставляли ее придерживаться правил приличия и оставаться на заднем плане.

Кэт задала Джудит Пикфорд несколько вопросов, но та отвечала уклончиво. Кэт стало любопытно, не предупредили ли ее о том, чтобы не болтала лишнего с репортером. Мужчины копали уже пятнадцать минут, кто-то вытащил термос, и пластмассовые стаканчики с горячим кофе пошли по кругу. Кэт взяла один. Сладкое тепло слегка подбодрило ее, она быстро проглотила кофе и держала стаканчик в руке, не зная, куда его деть.

Появился еще один мужчина в дождевике. Он огляделся и решительно направился к мужу Салли Дональдсон, пожал ему руку и стал что-то говорить. Тот упорно смотрел в землю, из глаз его все еще бежали слезы, лицо искажала мука. Мужчина подошел к представителю коронера.

---

[6] Имеется в виду Бостонское чаепитие – акция протеста американских колонистов против британского правительства, в результате которой в Бостонской гавани был уничтожен груз чая. Принято считать, что это событие, произошедшее в 1773 году, послужило началом Американской революции.

– Миссис Уиллоу? – спросил он, повышая голос, чтобы перекричать дождь, ветер и отдаленный рев генератора.

– Да.

– Я доктор Селлз. Лечащий врач миссис Дональдсон. Мистер Дональдсон попросил меня присутствовать.

– Это не вы выдали свидетельство о смерти?

– Нет. Я не видел ее с тех пор, как отправил в больницу. Страшное дело.

Представитель коронера кивнула. Кэт повторила про себя имя доктора и, стараясь, чтобы это было не слишком заметно, чуть-чуть придвинулась к ним – они отошли от Кевина Дональдсона в дальний угол, – изо всех сил стараясь расслышать, о чем они говорят.

– Насколько я понимаю, она была беременна, – сказала представитель коронера.

– Шесть месяцев. Совершенно здоровая женщина. – Доктор Селлз был явно смущен. – Врач-акушер волновался по поводу ее кровяного давления, но он не предполагал ничего серьезного. Приступ предэклamптической токсемии[7]. Ее уложили в гинекологическое отделение, просто чтобы понаблюдать пару дней.

– Она умерла от эпилептического припадка, не так ли?

Доктор Селлз уставился в землю, прежде чем ответить.

– Это эффект токсемии. Она не была эпилептичкой, по крайней мере, у нее не было симптомов этой болезни.

– Но эта болезнь может возникнуть в любое время, не так ли?

Доктор колебался.

– Ну да, может. – Он собирался сказать что-то еще, но тут раздался глухой стук.

Среди стоящих за ширмой возникло напряжение. Все глаза устремились на могилу. Оттуда выбрались два могильщика. Один из них, большой лохматый мужчина, кивнул Джудит Пикфорд:

– Гроб закрыт.

Все сделали несколько шагов вперед и остановились, будто не желая переступить невидимую черту. Все, кроме Кевина Дональдсона, который бросился вперед.

– Салли! – закричал он. – Дорогая! – Кевин Дональдсон, всхлипывая, упал на колени и попытался спуститься в могилу. Один из служащих похоронного бюро и могильщик мягко удержали его. – Пустите! – кричал он. – Пустите меня!

У Кэт встал ком в горле, она отвела взгляд и тоже уставилась в темную яму. Под комьями земли и крошками известняка она разглядела крышку гроба.

– Мистер Дональдсон, – сказала представитель коронера. – Пожалуйста, подождите еще несколько минут.

Рег Бертон спустился в яму, встал на колени на крышку гроба и громко постучал.

– Алло? – позвал он, постучал еще раз и приложил ухо к крышке.

«Какой абсурд», – подумала Кэт.

Бертон выбрался из могилы.

– Ничего не слышно. – Он посмотрел на двоих мужчин. – Пока вы будете разбрасывать известь, я схожу за преподобным Комфортом.

Мужчины разрезали два мешка и начали бросать лопатами в могилу на крышку гроба белый порошок. Воздух наполнился кислым запахом. Облака меловой пыли и неприятный запах лишили эту процедуру даже намека на величие.

Кевин Дональдсон наблюдал за происходящим в немом оцепенении. Кэт боролась с желанием подойти к нему, взять его за руку, сказать ему что-нибудь утешительное.

---

[7] *Предэклamптическая токсемия* – тяжелая форма токсикоза беременности на поздних сроках.

Затем могильщики с двумя веревками спустились вниз и встали на крышку гроба. Продели веревочные петли через ручки гроба, выбрались наверх, подтянули концы веревок, кивнули друг другу и дернули. Ничего не произошло.

– Вот черт, – сказал лохматый. – Засосало, Рон. Давай освободим сначала один конец.

Он обошел вокруг могилы, встал напротив своего напарника, как при перетягивании каната, и они снова дернули. Опять ничего.

– Придется немного подкопать, – сказал другой, с «конским хвостом».

Могильщики спрыгнули вниз, минут десять копали и снова попытались вытащить гроб. Человек из похоронной службы стал им помогать. Раздался громкий чавкающий звук. Трое мужчин потянули сильнее – гроб слегка сдвинулся с места.

– Ну, еще разок, взяли!

Они дернули снова, более настойчиво. Один конец гроба приподнялся. Два могильщика удерживали его, а двое из похоронной службы принялись тащить за другой. Гроб из красного дерева начал медленно подниматься, с него сыпался белый порошок. Наконец его вытащили из могилы и опустили на мокрую траву.

Гроб был покрыт мокрой грязью и листьями. Струйки белой извести стекали вдоль боков. В обжигающей кислоте извивался в предсмертных судорогах червяк. Три медные ручки тускло блестели в свете прожекторов. Все взгляды были прикованы к гробу. Кевин Дональдсон застыл на месте, вдруг испугавшись предстоящего момента истины.

Джудит Пикфорд вышла вперед, разворачивая напечатанный документ. Она посмотрела на медную пластину на крышке гроба, с которой дождь уже смыл известь, и сверилась с именем в документе. Затем кивнула могильщикам, давая знать, что они могут продолжать работу.

Один из могильщиков вышел вперед с отверткой. Он методично отвинтил все шесть шурупов, что удерживали крышку, затем просунул жало отвертки под крышку, стукнул по ней рукой и нажал на нее, как на рычаг. Раздался крик, Кэт подскочила. И тут погас свет.

У Кэт перехватило дыхание, сердце ее бешено заколотилось. Она услышала вой ветра. Затем… крик. Фонарь осветил гроб. Прожекторы замигали и зажглись снова.

Снова послышался крик, потом другой. Кэт выдохнула. Просто дерево трется о дерево, поняла она. Могильщик слегка приподнял крышку. Ему помогал его товарищ, и, когда они начали снимать крышку, прожекторы снова замигали.

Сначала вонь была не очень сильной, она напоминала запах внутренностей разложившейся рыбы. На мгновение Кэт подумала, что где-то засорилась канализация. Но по мере того как открывали гроб, запах усиливался. Кэт прикрыла рукой рот и сглотнула, изо всех сил борясь с подступающей тошнотой. Остальные реагировали точно так же. Могильщики продолжали поднимать крышку.

– О господи! – произнес один из них, глядя в гроб.

Они помедлили, затем подняли крышку и отступили с ней на шаг. Глаза их расширились от ужаса. Кэт вперила взгляд в крышку, которая закрывала ей вид гроба. Глубоко потрясенная, она пыталась понять: что же это – игра света или обивка крышки действительно разорвана?

Крышку отодвинули, теперь Кэт могла заглянуть прямо в гроб. У нее потемнело в глазах. Ноги подкосились. Желудок сжался. Голову сдавило. Не может быть! Нет, не может быть! Волна ужаса окатила ее. Она повернулась, чтобы уйти, натолкнулась на кого-то, споткнулась о чьи-то ноги, потом налетела на ширму, почувствовала, как та подалась, и пробовала откинуть ее, чтобы выбраться наружу.

Казалось, она все еще смотрит в гроб.

Салли Дональдсон лежала, утопая в белых рюшах и кружевных оборочках, как кукла в подарочной упаковке. В широко раскрытых глазах, подернутых матовым блеском, застыло выражение ужаса. Кожа ее, белая как воск, сияла в свете прожекторов. Растрепанные светлые волосы разметались по щекам и шее, будто набивка, вылезшая из подушки.

Открытый рот словно замер в крике. Белые ровные зубы выступали из посиневших губ. Почерневшие ногти были короткими, безобразными, будто обгрызенные, и лишь на больших пальцах сохранились длинными и наманикюренными.

Голубой саван задрался, внизу на нем виднелись рыжие пятна, колени были согнуты, а ноги раздвинуты, насколько позволял гроб. Между ногами лежал плод, обвитый пуповиной, сморщенный и блестящий, как крыса, с которой содрали шкуру.

12

Во время летних каникул Харви Суайр отправился с Дейкром в Испанию. Они провели пять недель по-походному в Коста-Брава, путешествуя в старом «фольксвагене», который купил Дейкру его отец.

Все говорили, что после несчастного случая Харви изменился. В школе Дейкр не задумывался над этим – был занят зубрежкой к экзаменам. Но на каникулах он заметил, что его приятель стал слишком молчаливым, даже угрюмым, потерял всякий интерес к выпивке и балдежу и не пытался кадрить девчонок. То ли Харви скучал по Энджи, размышлял Дейкр, то ли беспокоился об экзаменах. Его старик – редкий негодяй, и, должно быть, Харви боится, что провалился, – он совсем не говорил об экзаменах.

Дейкр припомнил те первые несколько недель, когда Харви вернулся в школу после несчастного случая, его странные замечания о том, что он видел Бога и свою умершую мать, его жуткую драку с Рекеттом. И потом – эта стена отчуждения, которую он воздвиг вокруг себя.

Жарким ленивым полднем в самом конце августа Дейкр высадил Харви у его дома – большого шикарного особняка в псевдотюдоровском стиле в Уимблдоне. Он открыл пропыленный, захламленный багажник «фольксвагена», выволок оттуда рюкзак Харви, палатку и пластиковый пакет с беспошлинным виски и сигаретами и с глухим лязгом захлопнул крышку.

Оба они были усталые, грязные и нечесаные после ночи, проведенной на пароме из Саутгемптона, и впервые от Дейкра не несло «Брутом». Они вскользь пообещали звонить друг другу, и Дейкр нажал на газ и выжал сцепление с таким чувством, будто высадил незнакомого пассажира, которого подвозил пару миль, а не своего лучшего за последние пять лет друга.

В грязной футболке, расклешенных джинсах и поношенных ботинках Харви прошел по короткой гравийной подъездной дорожке мимо машины матери – синего «мини», которая стояла под слоем пыли, нетронутая со времени ее смерти. Отец не разрешал садовнику мыть машину, а Харви – ездить на ней; она стояла там, создавая иллюзию, что все хорошо, что мать дома и готовит чай.

Харви порылся в рюкзаке, нашел ключ и отпер тяжелую дубовую дверь. Не закрывая ее, поспешил к столику в прихожей и уставился на оловянный поднос, куда домработница всегда складывала почту.

Сверху лежала утренняя газета «Телеграф». Заголовок крупными буквами сообщал: «МЕНЕДЖЕР „БИТЛЗ“ ЭПШТАЙН НАЙДЕН МЕРТВЫМ».

Харви пробежал глазами заметку, заинтересовавшись, как менеджер умер, и отложил газету. Под ней была стопка почты, наверху – открытка с изображением боя быков. Повинуясь чувству долга, Харви отправил эту открытку отцу три недели назад, – должно быть, она пришла только этим утром. Интересно, получила ли Энджи его открытки. Он послал ей три.

Сегодня вечером Харви намеревался переспать с ней.

Он тщательно просмотрел почту, но вся она была адресована отцу. Ему – ничего. Разочарованный, он с громким шлепком бросил стопку назад на поднос. Дом был пустой и темный, пахло полиролем. Отец был во Франции, он вернется только через неделю, и Харви был этому рад.

Он еще раз просмотрел письма – вдруг пропустил то, которое так ждал. Затем проверил почтовые штемпели, – возможно, письмо адресовано отцу. Ничего. Он нетерпеливо выдвинул средний ящик стола и увидел маленькую аккуратную стопку почты на свое имя.

Сердце учащенно билось, когда он просматривал ее. Почты было немного: пара конвертов, похожих на приглашения на вечеринки, банковский счет, сентябрьский выпуск журнала «Пари матч». И тут он увидел долгожданный конверт – маленький, темно-желтый, с напеча-

танными на нем его именем и адресом, с почтовым штемпелем, говорящим о том, что письмо отправлено из школы. Конверт уже был открыт.

Дрожащими руками Харви вытащил белый листок и на какое-то мгновение отвел глаза, не решаясь взглянуть на машинописный текст. Наконец он перевернул лист. Там говорилось:

Экзаменационная комиссия Оксфорда и Кембриджа
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СДАЧЕ ЭКЗАМЕНОВ НА АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ
Харви Квентин Эдвард Суайр
Биология: отлично.
Химия: отлично.
Физика: отлично.

Харви снова просмотрел отметки, потом еще раз. *Господи*.

Кривая, недоверчивая усмешка появилась на его лице.

Усмешка постепенно сошла на нет. В зеркале над столиком он увидел свое отражение – перепачканное и загорелое лицо, слишком длинные волосы в беспорядке, вокруг подбородка и на верхней губе тоненькие волоски. Глаза его мерцали, как свеча на сквозняке. Он снова опустил взгляд на листок с машинописным текстом, и его пронзил какой-то холодок.

Харви испугался.

Он слышал ровное гудение холодильника в кухне, тиканье дедушкиных часов на лестничной площадке наверху.

Три пятерки.

Ему никто не поверит.

И тогда он разозлился. Да плевать на них всех. Они ведь не верят, что он видел свою маму. Ну ладно, они правы. Галлюцинация. То, что он видел мать, просто галлюцинация. И то, что он видел экзаменационные задания, тоже галлюцинация. А правда в том, что он – блестящий ученик. Но ни у кого не хватило мозгов, чтобы это оценить.

Харви вгляделся в свое отражение в зеркале, ища поддержки. Отражение отвернулось. Он со злостью пнул ногой столик, и оловянный поднос, словно гонг, отозвался звучным эхом. Харви подхватил свои сумки, рюкзак и начал подниматься по лестнице.

На каникулах он несколько раз чуть было не проговорился Дейкру. Но каждый раз ему вспоминались насмешки, которым он подвергался из-за того, что рассказал своим друзьям подробности несчастного случая. Один раз он даже начал говорить, но Дейкр высмотрел девчонку, которая ему приглянулась, и развязной походочкой зашагал на танцевальную площадку, пытаясь завлечь ее.

Энджи, выслушав все, что он рассказал о матери, не рассмеялась. Она смогла понять. Но о том, что произошло сейчас, он не мог ей рассказать, не мог рассказать никому.

Три пятерки. Он попытался вспомнить ту ночь, когда, лежа в дортуаре, парил над своим телом точно так же, как тогда, во время аварии. Теперь, когда с экзаменами покончено, он пытался проследить все свои шаги, выяснить, мог ли он пройти незамеченным через личные апартаменты заведующего пансионом и выйти на улицу. Двери были заперты на замок и на засовы, но открывались они просто. Дверь в общую комнату преподавателей тоже была заперта, ее он бы не смог отпереть. Конечно, в ту самую ночь она могла остаться и незапертой. Могла.

Должно быть, так оно и было.

По-видимому, он пришел туда во сне, как лунатик, и увидел на столе экзаменационные задания. А то, что он читал их через плечо мистера Стиппла, ему приснилось.

Определенно, так оно и было.

Харви беспокоился, что отвечал на экзаменах слишком точно, слишком безупречно, следовало бы сделать несколько ошибок, чтобы не возникло подозрений, что он шпаргалил. Но ведь еще нужно доказать, что он мошенничал. Он вспомнил, что на него обратил внимание

наблюдающий за ними преподаватель, в те дни он то и дело прохаживался мимо его стола, скрипя своими ботинками по голым деревянным половицам. Но ни разу не заговорил с ним, не поинтересовался, что он делает.

Потому что он не делал ничего предосудительного.

Харви довольно ухмыльнулся, представив, какие будут лица у этих высокомерных преподавателей, которые говорили, что у него нет шансов сдать экзамены. У этого Стиппеля-ниппеля. И мистера Мэтти.

Странно только, почему отец не попытался связаться с ним, когда открыл конверт. Ну конечно, он же не знал его адреса в Испании. Подлец, мог бы оставить записку. Мог бы сказать что-нибудь приятное, поздравить сына. А может, он не поверил оценкам. Что ж, ему придется в них поверить. Им всем придется в это поверить.

На двери его спальни все еще висела табличка: «ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ». Он повесил ее, наверно, лет десять назад. Харви вошел в комнату – все в ней осталось как было, разве что стало немного поопрятней, и это ему понравилось. Он любил, чтобы в комнатах был порядок, чтобы нигде не было пыли, даже в таких местах, где ее не видно. Миссис Мэннингс, домработница, понимала это. Однажды, когда ему было семь лет, он пригрозил ей увольнением за то, что она не стерла пыль с гардероба. Если в комнате, где он находился, было плохо убрано, ему казалось, что к нему прилипает грязь.

Комната была его личным владением – достаточно большая, с потертым красным ковром, который раньше лежал в столовой, с умывальником и окном, выходящим в дальний угол сада и на соседний участок. На стенах – холодные, коричневые с позолотой, полосатые обои, их наклеила мать, когда он уехал в Уэсли: она считала, что они придают комнате «взрослый» вид. На потолке виднелось похожее на летучую мышь пятно от сырости: насколько он помнил, оно всегда было там.

Над его постелью висела черно-белая фотография Джанет Лей в «Психо», лицо ее застыло в ужасе, кровь стекала по кафелю в душевой. Верхний левый угол постера отклеился и свисал вниз.

У окна стоял деревянный стол, на нем – маленький микроскоп, несколько приборов, скелет мыши с крошечной полоской меха на грудной клетке. Одна ее лапка застыла в воздухе, как будто яд, который дал ей его отец несколько лет назад, подействовал на нее, когда она куда-то шла. На нескольких полках выстроились стеклянные банки, в которых плавали в формалине лягушки, мыши, крысы и жуки. На других полках стояли медицинские книги, одни он купил в букинистических магазинах, другие отдал ему отец: «Анатомия» Грэя, «Современная патология» Н. Кирхема, «Медицинский словарь» Чемберса, «Руководство по вивисекции» Каннингема.

На самом видном месте, на комоде, возвышался четырехугольный стеклянный сосуд, поделенный на секции, в котором находились пять человеческих зародышей, свернувшихся, словно они все еще лежали в утробе матери, и для большей наглядности подкрашенных красной краской. Самый маленький – высотой с дюйм, самый большой – четыре дюйма. Их подарили отцу несколько лет назад, а он в конце концов их выбросил. Харви извлек их из мусорного бака.

Смерть всегда зачаровывала его. Ящики письменного стола Харви были набиты вырезками из газет и журналов, запечатлевших смерть, особенно хорошие фотографии помещал «Пари матч», лучшие из тех, что ему приходилось видеть. Его отец думал, что он покупает журнал, чтобы совершенствоваться во французском. Часто там были запечатлены жертвы автомобильных катастроф, изувеченные и покореженные так же, как те транспортные средства, которые их убили. Иногда там попадалась и хорошая фотография убийцы.

Больше всего Харви любил разглядывать толстого пожилого гангстера в костюме-тройке, с цепочкой от часов, рухнувшего в несъеденный обед в ресторане «Ритц». Кровь сочилась из дырки на его виске прямо в бокал, будто его голова была зловещим графином с вином.

Интересно, дома ли Энджи. До его отъезда в Испанию их отношения несколько продвинулись. В саду во время вечеринки она позволила ему потрогать свои груди. И терлась промежностью о его затвердевший член. Но Харви так и не удалось выяснить правду о Рекетте – действительно ли тот переспал с ней, пока он находился в больнице. Он не верил этому, не верил, что она могла допустить до себя такого безобразного слизняка, как Рекетт, а его отталкивать.

Харви прошел через спальню родителей – большую пастельно-розовую комнату с мебелью из орехового дерева, с видом на сад и бассейн. В воздухе висела духота – окна были закрыты. На трюмо стояла цветная фотография матери – она смеялась, свет попал ей прямо в глаза. Печально глядя на нее, Харви принялся размышлять.

«Господь очень тобой недоволен».

Как пощечина.

«Она больше никогда не хочет тебя видеть».

Пощечина.

Он почувствовал запах ее духов, исходящий от постельного белья, от стеклянных пузырьков на трюмо. Подошел к гардеробу орехового дерева, открыл дверцу, выдвинул ящик и уткнулся лицом в стопку ее джемперов. Он ощущал мягкое тепло кашемира и вдыхал таинственный, остро ощутимый запах ее тела.

Если бы поговорить с ней еще разок!

Если бы он сопротивлялся сильнее, если бы он только сильнее боролся!

«Тебе нужно возвращаться обратно, дорогой!»

Харви еще глубже погрузил лицо в ящик, крепко зажмурил глаза, почувствовал, что шерстяная материя стала мокрой от его слез, и принялся раскачиваться вперед-назад; сквозь его крепко стиснутые зубы вырвался долгий, протяжный вой, похожий на звук пара, выходящего из кипящего чайника.

Он задвинул ящик, сел на низкую мягкую постель и успокоился. Затем поднял телефонную трубку и набрал номер Энджи. Ответила ее мать, которая, судя по голосу, как всегда, рада была его слышать; она пошла позвать Энджи.

– Харви? – Голос Энджи звучал холодно, будто он оторвал ее от чего-то важного, и это его несколько охладило. Он-то ожидал, что она будет ему рада.

– Я приехал, – сообщил он.

– Правда? – Она замялась. – Здорово.

Последовало молчание.

– Сегодня днем, – добавил он.

Снова молчание.

– Я думала, ты не приедешь до следующей недели.

– Мы поиздержались. – И опять молчание. – И, кроме того, я хотел увидеть тебя. – Он закусил губу и пожалел, что сказал это.

– Хорошо провели время? – Энджи говорила так, будто куда-то торопилась.

– Да. Классно. Сногсшибательно.

– Здорово, – повторила она.

– Я получил результаты экзаменов.

– Правда?

Ее голос звучал как-то странно. И чем сильнее он старался изобразить энтузиазм, тем отчужденнее она становилась.

– Я… я сдал лучше, чем надеялся.

Молчание.

– Я подумал, может, мы бы… знаешь… отметим это?

Ответа не последовало. Харви услышал, как щелкнула зажигалка и Энджи затянулась сигаретой. Он подумал о ее вьющихся светлых волосах и нежной коже, о вздернутом носике и веснушках, о длинных загорелых ногах и больших прохладных грудях, которые он уже знал на ощупь, ласкал.

– Как насчет сегодняшнего вечера? – спросил он.

– Нет, не могу, – ответила она. – Мне нужно мыть голову.

– А-а-а… Моего отца нет дома, – неуверенно произнес Харви. – Весь дом в моем распоряжении, понимаешь? Я… – Голос его постепенно замолк. – А как насчет завтра?

– Завтра у меня день рождения. У нас будет вечер в семейном кругу.

Харви замялся.

– А в четверг или в пятницу?

– Наверное, уеду на уик-энд на морскую прогулку.

– Понимаю. – Он уставился на свое отражение в трюмо. – Я думал… пока я один дома…

– Я тебе позвоню, когда вернусь… – сказала Энджи.

– Что случилось? Когда я уезжал, ты говорила, что будешь по мне скучать.

– Не знаю. – Она еще никогда не разговаривала с ним таким ледяным тоном. – В последнее время ты стал какой-то странный.

– Странный?

– Ну да, чудной.

– Что ты имеешь в виду?

– Да вся эта чепуха насчет твоей мамы. Ты меня просто достал.

– Я… я думал, тебе интересно.

– Интересно минут пять-десять, но не все же время.

– Давай встретимся и поговорим.

– О чем?

Харви изо всех сил старался мыслить ясно.

– О нас.

– Я позвоню тебе на следующей неделе, ладно? – И Энджи повесила трубку.

Харви уставился на молчащий телефон. Потом перевел взгляд на свое отражение и повесил трубку.

– Сука, – сказал он вслух. – Корова.

Он почувствовал, как в нем поднимается злоба, ядовитая злоба: встал, пнул ногой кровать, потом пнул стоявший перед ним пуфик, тот отлетел и ударился о туалетный столик. Фотография матери упала на ковер. На нее свалилась серебряная щетка для волос, и стекло треснуло. Харви выскочил из комнаты и помчался по коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.